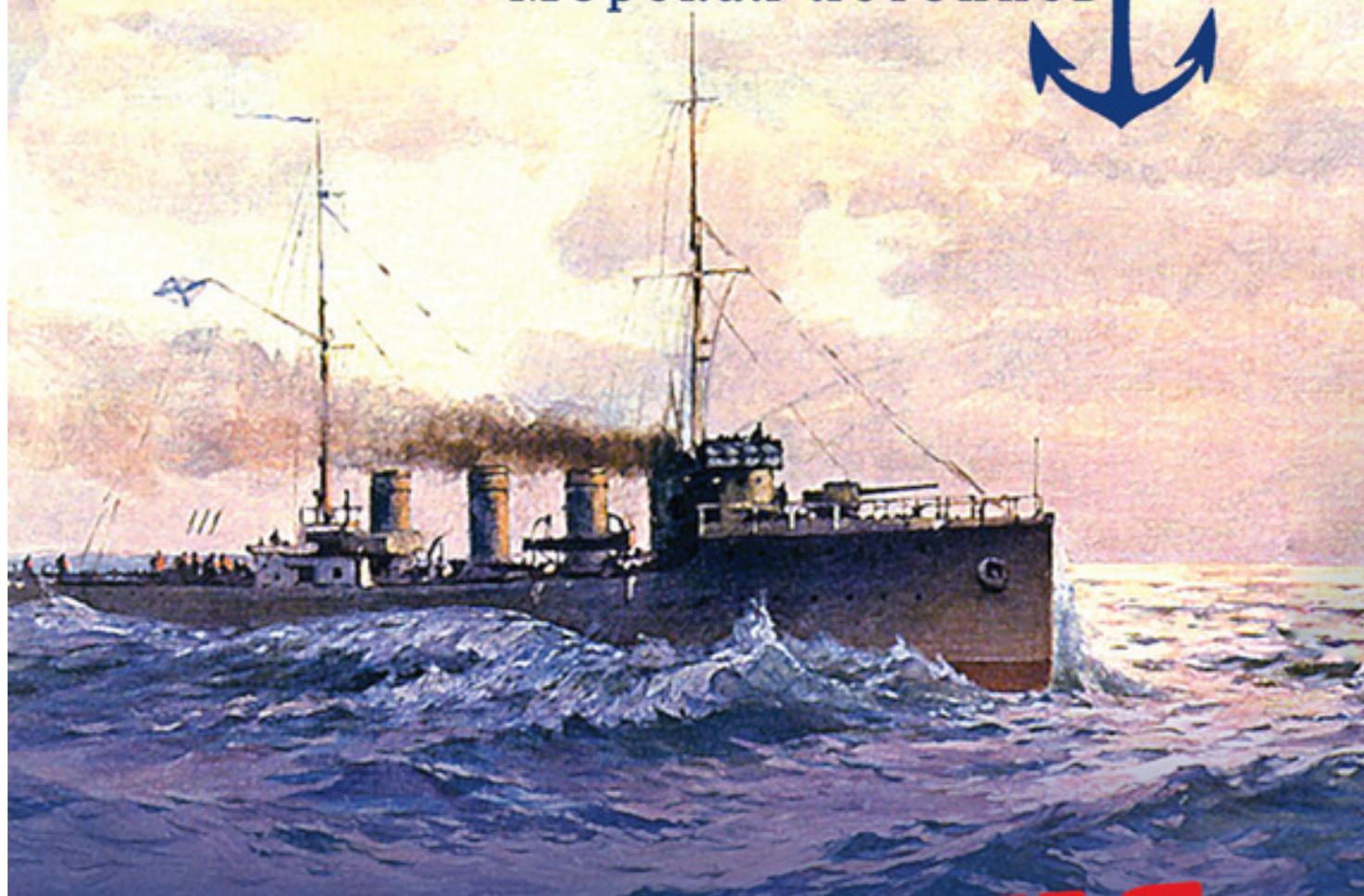

Морская летопись

РЕВОЛЮЦИЯ И ФЛОТ

БАЛТИЙСКИЙ
ФЛОТ

В 1917—1918 гг.

Г.К. Граф

Морская летопись

Гаральд Граф

**Революция и флот. Балтийский
флот в 1917–1918 гг.**

«ВЕЧЕ»

1922

Граф Г. К.

Революция и флот. Балтийский флот в 1917–1918 гг. /
Г. К. Граф — «ВЕЧЕ», 1922 — (Морская летопись)

В среде русской эмиграции Гаральд Карлович Граф (1885–1966) был известен не только как бывший старший офицер эскадренного миноносца «Новик», капитан 2-го ранга, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, но и как автор знаменитой книги «На “Новике”. Балтийский флот в войну и революцию», изданной в Германии в 1922 году. Успех книги был феноменален. Ее читали обыватели, бывшие офицеры русской армии и флота, великие князья, либералы русского зарубежья. Читали даже преподаватели советских военных академий и работники ОГПУ по долгу службы. . . В предлагаемом издании читатель познакомится со второй и заключительной частью труда Г.К. Графа, озаглавленной автором «Смерть флота». В ней охватывается период от событий накануне революции 1917 года и до смерти адмирала Колчака. Автор подробно описывает царившую атмосферу и трагические события, происходившие на Балтийском флоте в 1917–1918 годах.

Содержание

Прощание с императорским флотом	6
I	9
II	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Г. К. Граф

Революция и флот. Балтийский флот в 1917–1918 гг.

©Гончаренко О.Г., предисловие, 2011

©ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Прощание с императорским флотом

Композиционно разделенный на две части, труд контр-адмирала Г.К. Графа «На “Новике”», оказался столь насыщен историческими событиями, описываемыми автором, что вполне мог бы претендовать на многотомное исследование о событиях Первой мировой, или Великой войны на Балтийском море. В первом и втором издании обе части составили один, не очень объемный том, объединенные общим замыслом запечатлеть инволюцию русского флота: от успехов на внешнем фронте до самоубийственной бездеятельности власти в период февральского переворота и последовавших за ним лет гражданской смуты.

С учетом возросшего в последнее десятилетие читательского интереса к событиям, послужившим к распаду могущественной империи, обстоятельства крушения командования армией и чудовищные по последствиям действия правительства в отношении боеспособных флотов, описанные Графом во второй части, представилось целесообразным выделить в отдельную книгу. Это разгрузило избыточный фактологический материал первой части, и дало возможность провести своеобразный водораздел между двумя равноценно важными историческими вехами, не нарушая изначальный авторский замысел проследить пик славы и времена упадка Императорского флота.

Главной особенностью представленного Г.К. Графом материала является впервые (на момент выхода книги) вынесенные на суд общественности хроники разгрома русских военноморских баз, проходившие в разгар войны – в начале марта 1917 года. Ценность описанных событий несомненна в силу того, что и сам автор застал начало разрушительных процессов на флоте. На страницах книги он дал емкие характеристики внезапных перемен не только в среде матросов, но и среди офицерства, часть которого, беззащитно политиканствуя, пыталась завоевать приязнь матросского дна, сделаться своим среди пропагандистов и разного рода комиссаров и уполномоченных от Временного правительства и Советов.

Политическое «брожение умов» явилось бы еще половиной беды, однако, как по команде, наделенные неимоверной властью матросские комитеты и их вожди вплотную приступили к арестам и казням морских офицеров, чиновников морского ведомства, должностных лиц стратегических портов империи – Кронштадта и Гельсингфорса. Эти действия сопровождались грабежами военного имущества, поджогами складов, срывом плановых инициатив по ремонту кораблей, проводившихся в зимнее время на этих крупных морских базах русского флота.

Лишь на первый взгляд в разразившихся беспорядках казалась некая бессистемность, похожая на пронесшуюся «бурю народного гнева», но вызывает сомнение тот факт, что действовала эта буря весьма избирательно, уничтожая в первую очередь ключевые фигуры русской военно-морской силы. Погибли адмиралы – Вирен и Непенин, Курош, Бутаков и Рейн... Офицеры арестовывались без причин, порой по указке агитаторов, призывавших к неповиновению. Бунты команд, всеобщая растерянность, случаи дезертирства, царящая вседозволенность – идеальная среда для сведения прежних счетов – такой была атмосфера переходного периода от монархии к республике.

Как следствие переворота – перемены не только в командном составе Минной дивизии, где служил автор, но и в командовании флотом вообще, не заставили себя ждать. Начальник дивизии контр-адмирал М.А. Кедров был вызван Временным правительством в Петроград и занял пост товарища морского министра. На место Кедрова встал один из наиболее талантливых офицеров – капитан 1-го ранга А.В. Развозов. Несмотря на массовые расправы, прокатившиеся по русским морским базам, кадровый состав флота был еще довольно полон и блестяще подготовлен для замены выбывших из строя начальников, что было вообще характерно

для условий военного времени, где сменяемость командиров было, по обыкновению, обычным делом.

Наследство, доставшееся произведенному в контр-адмиралы А.В. Развозову, оказалось нелегким. С началом зимней кампании 1917 года постепенное разложение дисциплины в матросской среде грозило обернуться потерей боеспособности флотских экипажей, и лишь благодаря кипучей энергии Развозова, первое время опасные тенденции удавалось сдерживать путем усиления дисциплины и направленными на это последовательными мерами.

В целом, автор дает полномасштабную картину тревожного времени в политической жизни России, отражавшуюся на моральном состоянии её войск и флота. Царящая разруха в головах членов Временного правительства, противоречивые и порой предательские приказы, спускаемые флоту из Петрограда, постепенно отразились и на состоянии плавсредств. Неготовность матросов, как прежде, неукоснительно соблюдать команды офицеров, их небрежное и наплевательское отношение к казенному имуществу, а порой и готовность обсуждать приказы о выходе в море, дали свои плоды. В короткий промежуток погибли три подводные лодки, причем одной из них командовал единственный сын покойного адмирала Эссена – молодой офицер-подводник, обладавший хорошим опытом подводного плавания, именуемого сослуживцами настоящим «искусством». Подлинные причины этого происшествия с «АГ-14» на момент написания книги так и не были раскрыты. Две другие подлодки стали жертвами неприятеля, однако и в этом случае отрицать человеческий фактор автор не стал: неизвестно, смогли бы они избежать гибели, оставаясь дисциплина экипажей на прежнем, «дореволюционном» уровне...

До конца лета 1917 года и падения Риги под напором германских войск атмосфера на Балтике оставалась довольно спокойной. К моменту, когда германский флот и сухопутные силы начали активные действия на этом участке фронта, командование всеми морскими силами уже перешло к контр-адмиралу М.К. Бахиреву, человеку больших способностей, сумевшему мобилизовать силы для организации отпора противнику.

Повествование автора не только простирается на знаменитые морские операции данного периода, но и ярко рисует образы современников – талантливых и не очень, сильных и посредственных морских военачальников, оказавшихся во главе флота в самую трудную его пору.

Оборона позиций Рижского залива окончилась для русских вооруженных сил драматически: под напором противника пришлось отступить, теряя корабли и людей, перечеркивая бывшие тактические достижения минувших кампаний. До роковых октябрьских событий 1917-го оставалось совсем немного времени. Последовавшие перед тем сдача батарей на Сворбэ, гибель «Грома», бой на рейде Кувайст, гибель «Славы» и уход русских из Моонзунда, стали звеньями одной цепи продолжившегося разрушения флота.

В книге Графа читатель найдет множество характеристик, данных ни сколько самой эпохе, столько поступкам сослуживцев, решениям командиров кораблей и командования флотом в целом. С сожалением пишет он о предательстве в офицерской среде, бесчестии адмиралов А.С. Максимова, А.В. Немитца, Е.А. Беренса, перешедших на сторону «революции».

Данью глубокого уважения проникнуты те страницы книги, где автор повествует о подвиге адмирала Щастного, и о «благодарности» Троцкого за спасение русских военных кораблей, уведенных адмиралом из-под носа германцев и союзников – из Гельсингфорса на петроградский рейд, выразившейся в скороспелом процессе и последующем расстреле адмирала. Казнь, обоснованная карой «за измену», по существу, последовала за лишение возможности Троцкого получить от британских союзников весомой суммы за каждый взорванный русский корабль, оставленный на рейде Гельсингфорса.

Вопросы исторического осмысления событий предшествуют у Графа нравственной оценке поступков людей, оказавшихся в непростой ситуации, потребовавшей ясного определения собственного места в борьбе России и геополитических противников. Автор тем

самым оказал неоценимую услугу будущим историкам, снабдив их ценным материалом в части отдельных, пусть даже разрозненных фактов по истории великой смуты, запечатленных на страницах книги.

Вышедшая в начале 1920-х годов, книга Графа оказалась очень популярной, и её тираж быстро разошёлся в Германии, среди большого количества русских читателей в эмиграции, а также часть книг была вывезена в СССР, где с ними знакомились специалисты по военноморской науке – многие из числа бывших сослуживцев автора. О переиздании книги на родине автора в то время не могло идти и речи: многие факты, отраженные автором, рисовали нелицеприятные картины разрушительной роли большевистской партии в тяжелое для страны время мировой войны. По иной причине книга Г.К. Графа не дождалась своего переиздания и в эмиграции: решающим фактором для этого в ряде случаев являлась неплатежеспособность самого автора.

Между тем выпущенные экземпляры читались, и читались весьма охотно. Об этом можно судить по состоянию немногих из них, сохранившихся до наших дней. Одну из таких книг автор предисловия привез из поездки во Францию. На ней в верхнем правом углу потускневшими синими чернилами Гаральд Карлович Граф оставил посвящение одному из известных читателей-современников: «Великому князю Дмитрию Павловичу подносит автор свой труд. Сен-Бриак, апрель 1935 г.» Этот подарочный экземпляр так и остался в почти идеальном состоянии, ибо великий князь любовью к чтению морской литературы не отличался...

В наши дни, с волной массовых переизданий эмигрантской литературы, петербургские издатели выпустили первую в современной России переизданную книгу «На “Новике”» в 1997 году, небольшим тиражом, и с тех пор она не переиздавалась.

Второе издание на родине автора призвано сделать этот, без сомнения, ценный труд достоянием более широкой части читающей аудитории и тем самым восполнить имеющуюся потребность в изучении Балтийского флота в один из критических периодов его истории.

*О.Г. Гончаренко
20 сентября 2011 г.*

I

Накануне смуты. Роль адмирала Непенина в дни кризиса. Отзвук событий на «Новике». Переворот в Гельсингфорсе. Ночь на 4 марта. Революционные интриги адмирала Максимова. Убийство адмирала Непенина. Государь император и флот. Бунт на «Андрее Первозванном». Подвиг капитана 1-го ранга Г.О. Гадда и его железная выдержка. Убийства офицеров на кораблях и берегу. Виновники крови. Ревель. Моонзунд. Кронштадт. Смерть Вирена, Бутакова и Рейна. Последние дни на «Новике»

С января нового года начался зимний период с его обычной жизнью: отпусками, ремонтами, занятиями, комиссиями и тому подобными зимними развлечениями. В этом году все как-то старались бесшабашно веселиться. В последние месяцы это стало носить даже какой-то дикий отпечаток, будто людям было нечего терять впереди, и они, махнув на все рукой, торопились забыться...

Так прошел незаметно январь, и уже подходил к концу февраль. К этому времени истек срок необходимого для меня пребывания в должности старшего офицера. Я был назначен на новую должность – 1-го флагманского минного офицера штаба Минной обороны и должен был покинуть «Новик».

Мысль о разлуке с «Новиком» для меня была ужасно тяжела. Я провел на нем почти три года, причем меня связывало с ним столько воспоминаний и переживаний, и я положил на него столько труда и забот, что он мне стал бесконечно близок и дорог. Но что делать – всему бывает конец; приходилось и мне проститься с «Новиком».

К концу февраля внутреннее политическое положение России стало сильно обостряться. Из Петрограда стали доходить чрезвычайно тревожные слухи. Они говорили о каком-то перевороте, об отречении государя и об образовании Временного правительства.

Передавали, что среди взбунтовавшихся частей гарнизона был и Гвардейский экипаж, который, не веря в сочувствие своих офицеров перевороту, стал вести себя по отношению к ним самым угрожающим образом. Все офицеры, находившиеся при исполнении служебных обязанностей, были тотчас же им арестованы, и матросы поговаривали о том, что следует арестовать и остальных, а после уже заодно расправиться со всеми. В конце концов, положение настолько обострилось, что командиру экипажа великому князю Кириллу Владимировичу¹ ничего не оставалось, как, для предупреждения печальных эксцессов, лично вести экипаж, по его требованию, к Государственной Думе.

Пришло также известие, что на крейсере «Аврора», стоявшем в Неве, был убит командир – капитан 1-го ранга М.И. Никольский², пытавшийся не пустить к себе на крейсер банду неизвестных подозрительных лиц. Со старшим офицером он вышел ей навстречу и загородил собою путь. Его тут же убили и ворвались на крейсер.

¹ *Кирилл Владимирович* (1876–1938) – великий князь, контр-адмирал (1915), в Русско-японскую войну был начальником военно-морского отдела штаба командующего флотом в Тихом океане (вице-адмирала С.О. Макарова), спасся при катастрофе броненосца «Петропавловск»: в 1915–1917 годах – командир Гвардейского экипажа, в 1917 году выехал в Финляндию. В эмиграции объявил себя местоблюстителем престола (1922), а потом – императором всероссийским (1924), скончался в Париже.

² *Никольский Михаил Ильич* (1877–1917) – капитан 1-го ранга (1916), участник Русско-японской войны. Командовал «Авророй» с февраля 1916-го по февраль 1917 года.

Наконец железнодорожное сообщение с Петроградом прервалось; всякие слухи прекратились, и дальнейшие сведения стали поступать только через штаб флота, который был непосредственно связан с Генеральным штабом в Петрограде аппаратами Юза.

Неожиданно командующий флотом адмирал Непенин получил от председателя Государственной Думы Родзянко телеграмму. В ней сообщалось, что в Петрограде вспыхнуло восстание, которое разрастается с каждой минутой. Ввиду якобы очевидного бессилия правительства, Государственная Дума, чтобы предотвратить неисчислимы бедствия, образовала Временный комитет, который и принял власть в свои руки. На сохранение династии может быть надежда только в том случае, если государь отречется от престола в пользу наследника цесаревича, при регентстве великого князя Михаила Александровича. Кроме того, в телеграмме указывалось, что Временный комитет Государственной Думы уже признан великим князем Николаем Николаевичем и несколькими главнокомандующими фронтами. В силу создавшегося острого положения Родзянко просил Непенина дать срочный ответ.

Такая телеграмма страшно поразила Непенина. Ему, всегда стоявшему в стороне от внутренней политики, было непонятно это движение и сильно пугало последствиями; он предчувствовал плохой конец. В глубоком раздумье, заметно волнуясь, он ходил по каюте, не зная, как быть. Тот факт, что переворот происходил, видимо, с одобрения великого князя Николая Николаевича и других главнокомандующих, говорил о наступлении грозного кризиса. Чувствуя, как губительно отразился бы в такой острый момент, как война, раскол среди главных военачальников, и стремясь сохранить в боеспособном состоянии вверенный ему флот, адмирал Непенин после долгой внутренней борьбы решил признать Временный комитет Государственной Думы.

В этом смысле он и послал ответ Родзянко.

Увы! Не знал того всеведущий в своей сфере адмирал Непенин, что он жестоко спровоцирован. Положение вовсе не было таким, как его обрисовал Родзянко. Тот понимал, как склонить на свою сторону адмирала, который, находясь вдали от центра политики, не мог быть в курсе происходившего. Вероятно, так же, как и Непенин, были спровоцированы и некоторые главнокомандующие фронтами, и, таким образом, получалось впечатление, что переворот единодушно признан всем высшим командованием.

Медлить адмиралу Непенину было нельзя, так как на флоте уже поползли зловещие слухи о внутренних событиях, причем некоторые корабли были уже ненадежны; очевидно, пропаганда с берега работала не покладая рук. Непенину оставалось только идти впереди событий, чтобы не упустить инициативы. Нет сомнения в том, что пришли Родзянко телеграмму другого характера, чем та, которая была получена, Непенин, несмотря ни на что – ни на беспорядки на флоте, ни на грозившие быть убийства офицеров, ответил бы отказом в признании. Но лукавая телеграмма говорила только о передаче власти наследнику цесаревичу, причем в ней сквозил намек, что это только временная мера, диктуемая необходимостью момента. Если бы было не так, то адмирал Непенин сумел бы умереть. Он много раз уже видел смерть перед своими глазами и всегда был готов к ней. Когда в ноябре 1904 года на рейде Порт-Артура броненосец «Севастополь» под командой славного Эссена отбивал бесчисленные атаки японских миноносцев, рядом с ним бок о бок вел бой и погиб маленький миноносец «Сторожевой». Командиром его был будущий командующий Балтийским флотом, в то время капитан 2-го ранга А.И. Непенин. И теперь бы он поддержал честь своего Георгиевского креста, полученного им еще за Артур...

Адмирал Непенин после отправки телеграммы ходил как убитый. Он не сочувствовал и не мог сочувствовать тому, что творилось там, в Петрограде. Прежнего жизнерадостного, деятельного адмирала нельзя было узнать. Он как-то сразу весь осунулся и постарел за несколько часов.

Непенин говорил своим близким, что предвидит гибель флота. На следующий же день он послал Родзянко вторичную телеграмму, которой предупреждал, что, если не будут приняты экстренные меры, Балтийский флот неизбежно развалится.

Отослав ответ, адмирал немедленно устроил у себя на «Кречете» собрание всех флагманов, на которое пригласил и коменданта крепости. Когда все собрались, он объявил о телеграмме Родзянко и о своем ответе, прибавив, что если кто-либо из присутствующих не согласен с его решением, того он просит прийти к нему в каюту.

Все присутствовавшие на собрании флагманы признали решение командующего правильным. Они, разумеется, не приветствовали разыгрывавшихся событий, но считались, как тогда представлялось, с их неизбежностью.

Только один из флагманов никак не мог согласиться с логичностью приводимых доводов. Этот флагман был – адмирал Михаил Коронатович Бахирев.

Сейчас же после заседания он прошел в каюту к адмиралу Непенину и заявил ему, что остается верен его величеству, а потому не считает для себя возможным продолжать службу.

В ответ на это он услышал тихий, сдавленный голос Непенина: «Слушай, Михаил Коронатович, неужели ты хоть на минуту мог усомниться в том, что я не так же верен государю, как и ты... Я еще не представляю себе, как все это могло случиться, каким образом и кем государь поставлен в такое положение... Теперь война, которую необходимо довести до конца. Я верю, что после окончания ее государь, если ему только будет благоугодно, снова примет власть в свои руки. Мы же теперь должны не уходить, а оставаться и бороться как с внешними, так и с внутренними врагами путем умелого руководства вверенных нам масс. Иначе, если мы уйдем, то этим только сыграем им в руку...»

«А мне кажется, – ответил Бахирев, – что сделать ничего нельзя, если только последует отречение. Сегодня потребуют передачи власти наследнику цесаревичу, завтра этим уже не удовлетворятся, потребуют республики, а послезавтра приведут Россию к гибели. Ты говоришь – сейчас война; считаешь, что необходимо оставаться. Может быть, ты и прав; а может быть, мы с тобой уже и не дождемся ее окончания, так как от нас предпочтут избавиться. Конечно, когда нет государя, все же пока есть Россия, которой мы должны служить. Я остаюсь, но только до конца войны...»

Кроме адмирала Бахирева, отрицательное отношение к вынесенному на собрании флагманов решению высказал временно исполнявший должность начальника 2-й бригады линейных кораблей капитан 1-го ранга Г.О. Гадд; но его мнение командующий флотом узнал только позже, так как по какому-то недоразумению Г.О. Гадд не был приглашен на заседание.

На основании своего ответа, данного Родзянко, адмирал Непенин считал долгом донести об этом через Ставку и государю императору. 1 марта генерал Лукомский передал в Псков по прямому проводу: «Адмирал Непенин доносит, что не признал возможным протестовать против призыва Временного Комитета. Таким образом, Балтийский Флот признал Временный Комитет Государственной Думы».

2 марта командующий флотом послал на имя государя императора вторую телеграмму:

«С огромным трудом удерживаю в повиновении флот и вверенные мне войска. В Ревеле положение критическое, но не теряю еще надежды его удержать. Всеподданнейше присоединяюсь к ходатайствам Главнокомандующих Фронтами о немедленном принятии решения, формулированного Председателем Государственной Думы. Если решение не будет принято в течение ближайших часов, то это повлечет за собою катастрофу с неисчислимыми бедствиями для нашей Родины. 23 час. 40 мин. 2-го марта 1917 года № 260, Вице-Адмирал Непенин».

Эти две телеграммы, в особенности – последняя, как бы указывают, что адмирал Непенин был сторонником переворота и считал необходимым принятие требований Государственной Думы. Но мог ли он думать, что именно Государственная Дума и явилась очагом возникшей смуты, а вовсе не думала о ее ликвидации. Родзянко представлял ему общее положение совер-

шенно безвыходным. Полученные им по прямому проводу из Петрограда от Морского генерального штаба сведения рисовали картину точно такой же. Кроме того, к нему все чаще и чаще стали поступать донесения начальников частей и контрразведок, что среди команд наблюдается сильное брожение и вот-вот может вспыхнуть бунт. Что ему было делать? Как мог он не верить тому, что слышал со всех сторон? Как мог подозревать обман со стороны Временного комитета Думы, признанного великим князем Николаем Николаевичем и большинством главнокомандующих фронтов? Как, наконец мог он не обратить внимания на те грозные симптомы бунта на флоте, которые были слишком очевидны?

Адмирал Непенин не участвовал и даже не знал о заговоре, который в это время расцвел пышным цветом; не мог он подозревать и измены в рядах главнокомандующих.

Все время, пока Гельсингфорс находился в изолированном положении, командующий флотом, получая известия, немедленно все их сообщал посудам, чтобы никто не мог заподозрить его в замалчивании событий и верить злонамеренным слухам. В этом отношении он вел себя безусловно правильно, с полным пониманием момента и всей ответственности, ложившейся на него. Он передал офицерам, что за все происходящее на флоте отвечает исключительно он, и только просил вполне положиться на него и беспрекословно исполнять все его требования.

Никто не имел нравственного права упрекнуть Непенина в утаении или извращении фактов: все было гласно, все объявлялось так, как информировалось из Петрограда.

Команды на судах пока вели себя спокойно и никакой подозрительности не выказывали, очевидно, как и большинство офицеров, не отдавая себе отчета в происходившем.

3 марта утром был получен текст акта об отречении государя императора. Адмирал Непенин просил немного обождать с его объявлением на судах, в силу особых политических соображений.

Настроение команд с утра этого дня стало заметно повышаться; очевидно, среди них велась усиленная агитация. В 5 часов вечера я съехал с корабля. В городе все было спокойно, и жизнь текла своим обычным порядком. Встречные матросы отдавали аккуратно честь и имели свой обычный подтянутый вид. К 7 часам я вернулся на миноносец, так как командующий флотом требовал, чтобы все офицеры и команды с 7 часов вечера находились бы на кораблях.

В 8 часов, ввиду начавших циркулировать в городе тревожных слухов о получении телеграммы об отречении государя, командир решил объявить ее команде, не дожидаясь приказаний из штаба; почти одновременно оттуда было получено аналогичное приказание.

Акт об отречении наша команда приняла спокойно, и на меня произвело впечатление, что она уже была знакома с ним. После прочтения его я остался в палубе побеседовать с командой. Вдруг туда спустился командир и сообщил, что ему по телефону передали, что на «Андрее Первозванном» и «Павле I» вспыхнули беспорядки; на них есть убитые и раненые. Со своей стороны он высказал уверенность в благоразумии команды и просил ее сохранять спокойствие.

В начале десятого я ушел из палубы; тогда команда была в совершенно спокойном настроении и очень хорошо относилась к офицерам.

Когда я пришел в кают-компанию, мне сообщили, что получены дополнительные сведения о том, что взбунтовались еще 5-й и 9-й дивизионы миноносцев³ и что там тоже есть убитые офицеры.

В это время с «Кречета», то есть из штаба флота, были затребованы по два делегата от команд каждого корабля. Наша команда выбрала старшего телеграфиста Уломского и строевого боцманмата Самусевича, которые немедленно и ушли.

Около 10 часов ко мне пришли два представителя команды и попросили спуститься в палубу. Когда я туда пришел, от меня потребовали выдать всей команде револьверы. На мой

³ Относительно 9-го дивизиона миноносцев сведения были неверны. Бунт вспыхнул не на нем, а на тральщиках.

вопрос, для чего это нужно, матросы ответили, что в городе назначен митинг, на который со всех кораблей должны явиться вооруженные команды. Я стал убеждать их никуда не ходить, так как это может иметь очень печальные последствия. Однако мне сразу стало ясно, что всякие уговоры бесполезны; решение идти, очевидно, было принято под давлением извне, и сопротивление офицеров только вызвало бы лишние жертвы. Мне пришлось дать свое согласие, о чем я и доложил командиру.

Затем я опять спустился в палубу. Там команда попросила меня выдать ей и патроны. Было ясно, что это – простая «вежливость» и что если я добровольно их не дам, то они будут взяты силой.

Надо отдать должное, настроение команды оставалось вполне доброжелательным. Было заметно, что многие и рады были бы не ходить, да боятся осуждения остальной команды. В это время в палубу спустилось еще несколько офицеров. Они пробовали отговорить матросов идти в город, но как и следовало ждать, это ни к чему не привело. Всего собралось идти около 40 человек, которые и стали сходить по сходне на берег. Там уже собрались команды соседних судов, и раздавались окрики с требованием, чтобы наша команда торопилась; при этом слышались угрозы, что она плохо исполняет «общий долг» и что ее следует подогнать.

Во время ухода команды на берег к сходне подошел наш командир. Он стал громко доказывать всю бессмысленность идти куда-то ночью, вооруженными, когда все страшно нервно настроены и при малейшем недоразумении в темноте могут легко перестрелять друг друга. Его выслушивали, но все же шли. Я стал сильно опасаться, что его услышат чужие команды на берегу и тогда произойдут эксцессы. Поэтому я просил его лучше уйти с палубы, что он нехотя и исполнил, махнув рукой.

Затем ко мне подошел фельдфебель и от имени команды попросил усилить наружные посты, на что я, конечно, охотно согласился.

Когда команда ушла на берег, у нас на миноносце стало совсем тихо. Но на душе у всех нас, офицеров, было далеко не спокойно: мы очень боялись за судьбу офицеров на других кораблях.

В момент ухода команды кто-то, очевидно, согласно общему распоряжению, прервал телефон, о чем и было сообщено с берега.

Через некоторое время, выходя из кают-компания, один из наших офицеров увидел часового, стоявшего недалеко от ее двери, что имело вид, будто офицеры находились под арестом. Я сейчас же пошел узнать, в чем дело, и строго спросил часового, зачем и по чьему приказанию он поставлен. Тот очень сконфуженно ответил: «Не могу знать, ваше высокоблагородие». Тогда я тот же вопрос задал вахтенному, который объяснил, что вышло распоряжение, чтобы команды арестовали своих офицеров и отобрали у них оружие. Это уже исполнено на большинстве судов; наша же команда, всецело доверяя своим офицерам, но не желая в то же время навлекать на себя неудовольствие со стороны других кораблей, поставила часового у входа в кают-компанию только для видимости...

Около 2 часов ночи, на 4 марта, в полном порядке и не использовав ни одного патрона, вернулась с берега команда, ходившая на митинг. Сейчас же был убран часовой, соединен телефон и все легли спать.

Через некоторое время из госпиталя по телефону позвонил один наш больной офицер и передал, что к ним то и дело приносят тяжелораненых и страшно изуродованные трупы офицеров.

После всех этих событий наконец попробовали лечь спать и мы, офицеры, но с тяжелым, неприятным чувством, что произошла какая-то ужасная, непоправимая катастрофа.

Около 4 часов утра вдруг у меня в каюте зазвонил телефон. Когда я взял трубку, отозвался штаб Минной дивизии. флаг-офицер сообщил, что большая толпа вооруженных винтовками солдат и матросов направляется к кораблям, стоящим у Сандвикского завода, чтобы

на них убивать офицеров, то есть как раз туда, где стоял «Новик». Известие уже не произвело на меня никакого впечатления: так морально и физически я устал за истекшие сутки. Представив всю безнадежность нашего положения в случае прихода этой банды, я решил, раньше чем поднимать тревогу, подождать дальнейших событий. Целый час я лежал и прислушивался, не раздадутся ли приближающиеся крики, но все было тихо, и только изредка в городе слышались отдельные ружейные выстрелы. Остаток ночи прошел для нас совершенно спокойно, и если бы не выстрелы, можно было бы думать, что и в городе все стало тихо. Но они красноречиво свидетельствовали, что под влиянием чьей-то злой воли творятся акты безрассудного зверства, жертвами которого являются неповинные люди или виновные только в том, что в такой момент, как революция, оказались на положении начальников, а следовательно, и лиц, на которых должна обрушиться злоба мятежников.

Можно ли представить, что переживали в эти ужасные часы родные и близкие несчастных офицеров! Ведь с флотом они были связаны самыми тесными узами, самым дорогим, что у них было в жизни: там находились их мужья, отцы, сыновья и братья...

Слухи о бунте на кораблях быстро распространились по городу; конечно, все передавалось в сильно преувеличенном виде. К этому времени на улицах началась беспорядочная ружейная стрельба, стали раздаваться дикие крики и то и дело с бешеной скоростью носиться автомобили. Эти автомобили, переполненные вооруженным сбродом, прорезывая воздух жуткими протяжными гудками, заставляли всех цепенеть от ужаса. В воображении семей офицеров невольно стали рисоваться мрачные, безнадежные картины. Казалось – все погибло и никто из офицеров уже не уцелеет...

Непрерывно трещали телефоны. Знакомые справлялись друг у друга, нет ли хоть каких-нибудь сведений, и друг другу передавали все, что удавалось услышать. Эти разговоры еще больше волновали, еще больше сбивали с толку. Трудно было разобраться, что – правда, а что – вымысел.

Вдруг телефоны перестают работать. По чьему-то приказанию они все – выключены. Волнение и тревога достигают апогея. О сне уже никто и не помышляет. Все терзаются мыслями, что происходит там, в порту и на рейде. Живы ли те, которые так бесконечно близки и дороги? Осторожно, чтобы не быть замеченными и чтобы не попасть под шальные пули, по временам со звоном влетающие в комнаты, жены, матери и дети не отходят от окон, всматриваясь в темноту.

Спустя некоторое время из госпиталя, куда стали привозить раненых и тела убитых офицеров, некоторым семьям сообщили, что в числе привезенных находятся близкие им люди. В первые минуты несчастные женщины совершенно теряли всякую способность соображать и как безумные металась взад и вперед... Стоны, женские рыдания и детский плач сливались в один безудержный взрыв отчаяния. Неужели это – правда? Ведь всего несколько часов тому назад он был здесь. За что же могли его убить, когда на корабле его так любили?...

Все в слезах, в чем только попало, несчастные женщины бегут туда, в госпиталь, в мертвецкую... Все-таки где-то там, в тайниках души, у них теплится маленькая надежда, что, быть может, это – не он, это – ошибка...

Вот они – в мертвецкой. Боже, какой ужас!.. Сколько истерзанных трупов!.. Они все брошены кое-как, прямо на пол, свалены в одну общую ужасную грудку. Все – знакомые лица... Безучастно глядят остекленевшие глаза покойников. Им теперь все безразлично, они уже далеки душой от пережитых мук...

«Это – те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили их кровью Агнца. За это они пребывают ныне пред Престолом Бога...»

К телам не допускают. Их стерегут какие-то человекоподобные звери. С площадной брабню они выгоняют пришедших жен и матерей, глумятся при них над мертвецами.

Что делать? У кого искать помощи, защиты?.. Кто отдаст им хоть эти изуродованные трупы? К новым, революционным властям, авось они растрогаются... Скорей – туда! Но там их

встречают только новые оскорбления и глумливый хохот. Кажется, что в лице представителей грядущего, уже недалекого, Хама смеется сам Сатана...

Брезжит рассвет, и чудится, что в сумраке его витают зловещие флюиды свершившихся злодеяний. С новой силой встают в памяти кошмары прошлой ночи, и жгучая волна отчаяния опять заполняет безутешные души.

Близится день. Улицы полны шумом, криками, стрельбой. Над Гельсингфорсом встает багровое солнце, солнце крови. Проклятая ночь! Проклятое утро!..

4 марта в 8 часов 30 минут утра по просьбе командира я выстроил во фронт команду в носовой палубе. Он хотел с ней поговорить о текущем моменте и в частности – о вчерашнем уходе. Когда я спустился в палубу, команда уже построилась. Ко мне навстречу вышел боцман и от ее имени просил немедленно списать трех офицеров, одного кондуктора и двух сверхсрочнослужащих как нелюбимых командой. Я стал убеждать, что это – вредно, невыполнимо сделать.

Пришел командир. Узнав, в чем дело, он, в свою очередь, стал уговаривать и доказывать, насколько это вредно отзовется на боеспособности корабля. Однако все было тщетно: команда стояла на своем. Впоследствии один из наиболее наглых наших матросов в моем разговоре с ним довольно цинично заявил, что команда не тронула их только из уважения ко мне и чтобы не запятнать кровью «Новик». Поэтому, несмотря на расправы на других судах, она ограничилась только требованием о немедленном списании. Нет сомнения, что это было только бахвальство: я определенно знаю, что уж совсем не так матросы ненавидели всех этих лиц. Все было главным образом сделано для показания своей власти и чтобы быть «не хуже» команд других судов. Недаром уже слышались упреки, что старая новиковская команда настроена реакционно и не идет в голове революции. Подобное обвинение в тот момент считалось среди команд самым большим оскорблением.

После инцидента часть команды ушла на берег, и на миноносце опять стало тихо.

В полдень вернулось уже большинство команды. Быстро пообедав, они пришли в каюткомпанию приглашать командира, меня, старшего механика и еще одного офицера идти на Вокзальную площадь встречать приезжающих из Петрограда членов Временного правительства и Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов. Командир не захотел оставить корабль в такой серьезный момент; пришлось идти мне и остальным «приглашенным».

На большой Вокзальной площади для встречи депутатов собралась огромная толпа представителей армии и флота в Гельсингфорсе, причем все солдаты и матросы были вооружены, а все офицеры – безоружны.

Когда наша группа входила на площадь, все ранее пришедшие части приветствовали нас криками «ура», как бы показывая радость по поводу присоединения к перевороту еще одной воинской части.

С левой стороны главного вокзального подъезда, тогда еще бывшего против гостиницы «Фенния», стояли моряки, а с правой – сухопутные. Всем этим сборищем старался распоряжаться и привести в нечто стройное комендантский адъютант прапорщик Бриллиантов. Многотысячное революционное стадо повиновалось плохо. Был невообразимый хаос. Вдруг среди общего гама откуда-то раздалось несколько выстрелов. С перепуга некоторые солдаты схватились было за винтовки, но оказалось, что обращаться с ними не умеют. Винтовки эти, только что присланные из Америки, были похищены из разгромленного арсенала, и солдаты их не знали. Произошло несколько случайных выстрелов. Тогда те, которые не видели, отчего они произошли, решили, что кто-то открыл огонь из окон окружающих домов. Началась бессмысленная стрельба. Все это многотысячное революционное воинство обуюла невероятная паника. Одни сейчас же кинулись к зданию вокзала, давя и опрокидывая передних; другие, побросав ружья, лежали ничком на мостовой, а некоторые ползли на четвереньках, судорожно стараясь спрятать голову...

К чести матросов «Новика» надо сказать, что никто из них не поддавался чувству животного страха, и они продолжали спокойно стоять.

Для успокоения обезумевшей толпы оркестру было приказано играть какой-то марш, и тогда понемногу все стали приходить в себя. Когда наконец все успокоились и заняли свои места, для безопасности и предотвращения вторичной паники была оцеплена вся площадь, а караулы обыскали и заняли прилегающие дома.

Паника началась с того, что в автомобиль, в котором ехал генерал Н.Ф. Котен, влезли вооруженные солдаты и в грубой форме потребовали от генерала выдачи оружия. Генерал отказался исполнить требование и выхватил револьвер; тогда его тут же убили.

Поезд с депутатами сильно запоздал, и мы все продолжали ждать.

В 3 часа дня разнеслась весть, что в 1 час 20 минут в воротах Свеаборгского порта предательски, в спину, убит шедший на Вокзальную площадь командующий флотом вице-адмирал А.И. Непенин. В командование флотом сейчас же вступил, как старший, вице-адмирал Максимов, который, кстати, стал немедленно величать себя первым революционным адмиралом. Вскоре мы имели случай убедиться в справедливости слухов: на площадь въехал автомобиль с адмиралом Максимовым, украшенным огромным красным бантом и окруженным несколькими офицерами своего штаба и вооруженными матросами. Команды приветствовали его громкими криками «ура». Получалось впечатление, что это один из популярнейших вождей переворота и враг «старого режима», но никак не вице-адмирал, прошедший всю жизнь на службе его величества⁴.

Позднее выяснились небезынтересные подробности как убийства адмирала Непенина, так и вступления Максимова на пост командующего флотом.

Адмирал Максимов всегда отличался карьеризмом и мелочно-честолюбивым характером. Не имея ни по заслугам, ни по уму никаких данных, чтобы претендовать на занятие высокого поста командующего флотом, он был в страшной претензии, когда не он, а адмирал Непенин был назначен на этот пост. Ведь Непенин был моложе его!..

При первых же признаках революции Максимов почувствовал, что пришла наконец пора осуществить свои честолюбивые замыслы. Он стал тайно агитировать среди своих подчиненных, чтобы те выбрали его на пост, который ему так хотелось занять. Добиться этого было не трудно. Скоро при содействии своего расторопного флаг-офицера старшего лейтенанта Василевского, человека той же формации, что и он сам, его избрали... писаря его же штаба. Но так как этого было как будто недостаточно, то при помощи того же флаг-офицера была собрана толпа матросов так называемой «береговой роты», которой заведовал все тот же флаг-офицер. К толпе присоединились случайные солдаты и просто всякий сброд, и по наущению специальных лиц она-то и приступила к выборам нового командующего флотом.

При этом не обошлось без маленького, но характерного инцидента. Дело происходило на улице. Случайно мимо проходил старший лейтенант А.П. Гедримович. Увидев подобного рода выборы, он вскочил на первую попавшуюся бочку и громко, при хохоте окружавших его матросов, крикнул: «Что вы делаете? кого выбираете командующим флотом? дурака выбираете!!...» Это выступление, хотя и принятое сочувственно, все-таки не помешало успеху выборов Максимова. Тотчас же после них он и его главные помощники, капитан 2-го ранга Л. Муравьев и старший лейтенант К. Василевский⁵, увешанные красными бантами и лентами, сели в автомобиль. Этот автомобиль был буквально весь облеплен вооруженными матросами, тоже в красных бантах. В таком виде Максимов отправился на «Кречет», чтобы объявить адмиралу

⁴ Февральскую революцию 1917 года в действительности приняло подавляющее большинство офицеров и флагманов флота. О А.С. Максимове – см. п. 48 комментариев первой части.

⁵ *Муравьев Лев Петрович* (1885—?) – капитан 2-го ранга (1915), в 1915 году служил в Учебно-минном отряде преподавателем Минного офицерского класса и флагманским минным офицером. *Василевский Кесарь Иванович* (1886—?) – старший лейтенант (1915) – в 1914–1915 годах служил в Морском генеральном штабе.

Непенину о своем избрании. Но тот ему определенно заявил, что никаких выборов не признает, что он и флот подчинились Временному правительству и кому оно укажет, тому он и сдаст командование.

Максимов уехал, но с самовольно поднятым на автомобиле значком командующего флотом. Так он вскоре направился и на Вокзальную площадь. Тем временем был убит адмирал Непенин, и, таким образом, командование флотом уже фактически перешло к нему как к старшему. Адмирал Максимов стал командующим флотом!..

Убийство адмирала Непенина произошло при следующих обстоятельствах. Большинство команды «Кречета» отправилось на площадь, чтобы встретить членов Временного правительства. В это время к «Кречету» подошла большая толпа, конечно, вся вооруженная, и стала шумно требовать, чтобы адмирал тоже пошел на площадь встречать депутацию. Опасаясь, как бы она не ворвалась во внутренние помещения штаба, где хранились разные важные документы, шифры и так далее, и чтобы все это не было расхищено, адмирал Непенин решил пойти и в сопровождении своего флаг-офицера лейтенанта П.И. Тирбаха⁶ сошел на берег. Они шли впереди, а за ними толпа, среди которой находился и будущий убийца адмирала, одетый в морскую унтер-офицерскую форму. Он шел все время сзади адмирала, держа наперевес винтовку. Передают, что у него на ленточке была надпись «Гангут», но определенно утверждать этого нельзя. Вернее всего, это был специально нанятый убийца⁷.

Когда адмирал был уже у ворот порта, к флаг-офицеру подошло из толпы несколько матросов. Эти матросы сказали ему: «Уйдите, г-н лейтенант, здесь будет нехорошее дело». И как бы в подтверждение их слов, едва только адмирал стал выходить из ворот порта, сзади него раздался выстрел. То убийца в матросской форме совершил свое злое дело. Адмирал упал, но и тогда в него было сделано еще несколько выстрелов из винтовок и револьверов.

Флаг-офицер в момент первого выстрела и последовавшей затем свалки был насильно оттащен своими доброжелателями-матросами в сторону и этим спасен.

Этот случай определенно показывает, что тут преследовалась цель убить именно адмирала Непенина вне связи с убийствами офицеров вообще.

Наконец, около 4 часов пришел столь долгожданный поезд, и на нем приехали: министр по делам Финляндии Родичев, депутат Скобелев и два представителя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Все четверо сказали витиеватые речи о необходимости прекратить бесчинства и поддерживать дисциплину. Как из рога изобилия сыпались слова: «товарищи», «завоевания революции», «революционная честь» и так далее. Присутствовавшие остались ими вполне довольны и много и долго кричали «ура». Что будет дальше – никто не знал, а пока – невольно вставляли пред глазами окровавленные тени убитых во имя революции офицеров...

После встречи все спокойно разошлись по своим частям, и всюду наблюдалось очень оживленное настроение.

По возвращении на миноносец команда попросила меня выйти на палубу. Выборный от нее сказал мне речь, в которой от имени матросов благодарил за справедливое и заботливое отношение к ним в прежнее время и в знак признательности просил разрешения меня покачать. Затем они качали командира и других офицеров.

Вечером, ввиду общего успокоения, всем было разрешено идти на берег. Заботы команды обо мне простерлись так далеко, что когда я собрался идти, она очень просила меня не ходить одному по улицам, так как боялась, что, ввиду случаев нападения неизвестных матросов и

⁶ Тирбах Петр Игнатьевич (1890–1953) – старший лейтенант (1916), кадетом участвовал в Русско-японской войне, флаг-офицер штаба командующего Морскими силами Балтийского моря (1913), исполняющий должность старшего флаг-офицера по оперативной части (1917). После Гражданской войны – в эмиграции.

⁷ Вице-адмирал А.И. Непенин, очевидно, был убит анархистами. Имя одного из убийц известно – это матрос Береговой минной роты П.А. Грудачев.

солдат на офицеров, то же самое могло случиться и со мной; меня просили всегда брать с собой в провозатые кого-либо из наших матросов.

5 марта, к вечеру, ко мне пришли представители команды и несколько смущенно заявили, что последняя считает неудобным, чтобы в кают-компании продолжали висеть царские портреты, а потому просит их снять. Надо заметить, что в то время, когда на всех кораблях тотчас же после переворота были сняты и уничтожены портреты государя и его августейшей семьи, на «Новике» они еще продолжали висеть.

У нас портрет государя был с его личной надписью, сделанною им во время смотра на миноносце, когда он выходил на нем в море. Это была реликвия корабля.

Когда я подошел к портретам, невольно нахлынул целый ряд воспоминаний.

28 января 1904 года. Я – старший гардемарин Морского корпуса. Весь корпус живет только одним: вновь вспыхнувшей войной с Японией. Все наши мысли невольно прикованы к Тихоокеанской эскадре, и на все лады обсуждается неожиданное нападение японских миноносцев на наши корабли; занятия совершенно не идут на ум.

Утром нам вдруг объявили, что около 2 часов дня государь император посетит корпус. Хотя больше ничего сказано не было, но приезд государя в такой момент уже сам по себе обещал что-то особо выдающееся в жизни корпуса...

Огромная столовая зала, видевшая столько поколений будущих морских офицеров, казалось, в этот день была настроена особенно торжественно. Спокойная, величественная статуя великого основателя флота, как всегда, покровительственно смотрела на нас. В конце залы стоял наш старый бриг «Меркурий», с которым у нас было связано столько воспоминаний. Все это была хорошо знакомая нам картина, но в этот день даже она производила какое-то необычное впечатление.

Вскоре после того как корпус был выстроен, раздались условные звонки, означавшие, что государь уже приехал, и мы все замерли на своих местах.

Еще несколько минут, бесконечно долгих в нашем представлении, и в зал вошли государь и государыня в сопровождении великого князя Кирилла Владимировича, управляющего Морским министерством, директора корпуса вице-адмирала Чухнина, и других лиц свиты.

Приветливо поздоровавшись с нами, государь обошел весь фронт и затем что-то тихо сказал директору корпуса. Раздалась команда: «Старшие гардемарины, десять шагов вперед, шагом, марш!..»

Государь обратился к нам с речью, и мы жадно схватывали каждое его слово. Он сказал, что вопреки его стремлению сохранить мир пришлось все-таки начать войну с Японией, что флот в Артуре уже принял боевое крещение и что для него теперь очень нужны офицеры, а потому он производит нас в мичмана на три месяца раньше срока.

Наши сердца дрожали и были заполнены беспредельной любовью и преданностью нашему монарху. Прошло несколько мгновений после того, как государь поздравил нас с производством в офицеры, прежде чем мы вышли из охватившего нас полузабытья, и наш бурный восторг сказался в одном громовом, безудержном «ура»...

Едва государь с государыней, простившись, стали выходить из зала, мы стремглав бросились за ними; ни приказания, ни просьбы – ничто не могло остановить нас. Окружив их плотной стеной в швейцарской, мы наперебой стали умолять государя отправить нас всех на Артурскую эскадру. Государь, улыбаясь, возразил, что если он нас всех туда отправит, то кто же тогда будет служить на Балтийском и Черноморском флотах, но все же обещал предоставить нашему выпуску несколько вакансий.

Та величественная простота и милостивое отношение к нам, которые царственная чета выказала, нас окончательно ободрили, и мы осмелели. Наша просьба к ним дать что-нибудь на память поставила их в затруднение. Государь и государыня переглянулись и сказали, что сейчас с ними ничего нет. Тогда мы стали просить отдать носовые платки и пуговицы от пальто.

В следующие же секунды платки были разорваны на мельчайшие куски, и на пальто государя и государыни не было ни единой пуговицы; вскоре в наши руки перешло даже боа государыни... Лица свиты тщетно пытались оградить их от нас и хоть несколько умерить наш порыв. А государь и государыня по-прежнему ласково улыбаются и шутили над нами...

Наконец они сели в карету. Еще миг – и мы все были на улице и облепили экипаж. Наиболее предприимчивые и решительные умудрились даже взобраться на крышу кареты, хотя, правда, скоро им пришлось спрыгнуть, так как опасались за целостность рессор. Карета тронулась, а вслед за ней, без фуражек и шинелей, с криками «ура» неслись мы все. Как сравнительно ни тихо ехала карета, но, к нашему отчаянию, мы отставали все больше и больше, и только свита государя, взяв нас в свои сани, да подоспевшие извозчики спасли положение. Как бы там ни было, но когда у подъезда Зимнего дворца государь и государыня вышли из кареты, мы все оказались тут же. Они были страшно обеспокоены, что мы можем простудиться, так как мороз доходил до 12 градусов, и приказали немедленно подать нам чаю и вина, а тем временем – послать в корпус за шинелями. Еще раз простившись с нами и пожелав нам счастья, наши державные хозяева проследовали в свои покои...

Такими счастливыми, как тогда, никто из нас еще никогда, да и потом тоже, не был. Впоследствии, когда государь встречал кого-нибудь из нас и узнавал, что мы выпуска 1904 года, по его лицу скользила приветливая улыбка и он говорил: «А-а, вы моего выпуска...»

Наш выпуск был первым «царским» выпуском. Мы вступили в жизнь, встреченные царской милостью. Быстро неслись года. Многих из нас уже нет: одни еще тогда же, в японскую войну, погибли в Порт-Артуре и при Цусиме; другие – в эту войну; третьи, может быть, стоят уже на очереди...

И другие мысли приходят на ум. Государь часто бывал на флоте и очень его любил.

Мне лично много раз приходилось участвовать на его смотрах. Я помню смотр 2-й Тихоокеанской эскадры перед ее отправлением на Восток; помню, как государь выходил на эскадренном миноносце «Пограничник», с адмиралом Эссенем, во главе всей Минной дивизии, в море; смотры миноносцев, участвовавших в охране яхты государя «Штандарт»; выход на заградителе «Амур» для постановки мин; выход его на крейсере «Рюрик» и смотр в Гельсингфорсе 25 февраля 1915 года...

Каким бурным, восторженным «ура» приветствовали тогда государя команды. Чувствовалось, что в этом «ура» не было ничего искусственного, ничего натянутого: оно росло и ширилось, идя от самого сердца, из самой глубины русской души.

Все эти смотры вносили в нашу среду большое оживление и подъем духа; мы их ждали, мы к ним тщательно готовились и их не боялись, как других смотров. Флот был счастлив видеть у себя государя.

Всегда неизменно приветливый, с доброй улыбкой на лице, красивыми, задумчивыми и скорбными глазами, он всегда умел сказать нам задушевное слово, вызвать какое-то особо трогательное чувство к себе. Он обладал удивительной памятью на лица и легко вспоминал офицеров, которых ему приходилось видеть хотя бы только два-три раза.

Обаяние его личности, сила блеска монаршей власти, олицетворение в нем величия и мощи России – все это окружало его каким-то особым, притягательным ореолом. И все-таки как-то невольно чувствовалось, что, несмотря на всю его безграничную любовь к России и народу, эта власть давит его тяжким бременем, что он несчастен и что на нем лежит какая-то особая роковая печать грядущего мученичества...

Но почему теперь вдруг родилась такая злоба, такая ненависть?.. Почему еще несколько дней назад ее не было? Кем она вызвана, откуда явилась?.. Ведь искусственность, неестественность ее чувствовалась хотя бы сегодня здесь, на «Новике», в том смущении, с каким представители команды требовали удаления портретов... Что теперь делается там, где государь?

Остался ли ему кто-нибудь верен, или же он очутился лицом к лицу только с изменой, окружен только своими врагами?..

Портреты у меня в руках... Какая-то щемящая тоска заползает в душу. Я прихожу к себе в каюту, и как-то случайно мне бросается в глаза фотография «Рюрика» под брейд-вымпелом государя...

Как будто это было вчера... А что будет теперь?.. К чему мы идем, пока никто еще не в состоянии ответить, но чувствуется, что добра не будет.

Раз уж на стенах висят красные флаги, то, может быть, придется пережить флоту и такой момент, когда какой-нибудь самозванный правитель из разряда фаворитов революции произведет ему смотр... под своим флагом!.. Не дай Бог дожить и услышать об этом!..

Пусть же эти портреты хранятся как зеница ока! Быть может, уж не на этом «Новике», а на другом, но верится, что они опять в кают-компанин займут свое место...

Прошло несколько дней. В Гельсингфорсе и на флоте все находились еще под впечатлением страшной, кровавой ночи с 3-го на 4 марта. Каждый момент можно было ожидать повторения вспышек, новых насилий, новых убийств. Однако притупившиеся нервы отказывались уже реагировать на что-либо.

Постепенно стали выясняться подробности того, что происходило на кораблях в ту ночь. Если, в общем, слухи, циркулировавшие тогда в городе, были преувеличены, то в отношении некоторых кораблей они были очень близки к истине.

Гельсингфорсский рейд спит под покровом тяжелого льда. Сверху глядит ясное звездное небо. Блестит снег. На белом фоне неясно вырисовываются темные контуры линейных кораблей и крейсеров. Тут сосредоточены главные силы, главный оплот России на Балтийском море. Мористее других кораблей выделяется бригада дредноутов; здесь же виднеются «Андрей Первозванный», «Император Павел I», «Слава», «Громобой», «Россия», «Диана». Спокойные дымки, поднимающиеся лентой к небу, говорят о том, что на них кипит неугомонная жизнь. Кругом – тихо. Ничто не указывает, что близится трагедия...

Вдруг, как будто по какому-то сигналу, здесь и там, на всех кораблях замелькали ровные, безжизненные огни красных клотиковых фонарей. Проектируясь на темноте ночи, они производили жуткое впечатление и вызвали предчувствие чего-то недоброго.

Это были буревестники революции, злодеяний и позора.

Сухой треск беспорядочных винтовочных выстрелов, прорвавшийся сквозь тишину ночи, служил разъяснением самовольных красных огней. Начинался бунт, полилась кровь офицеров...

Более остро, чем где-либо, он прошел на 2-й бригаде линейных кораблей.

Вот что происходило на «Андрее Первозванном», по рассказу его командира капитана 1-го ранга Г.О. Гадда. Вместе со своими офицерами он пережил эту ночь при самых ужасных обстоятельствах.

«1 марта, утром, корабль посетил командующий флотом адмирал Непенин и объявил перед фронтом команды об отречении государя императора и переходе власти в руки Временного правительства.

Через два дня был получен акт государя императора и объявлен команде. Все эти известия она приняла спокойно.

3 марта вернулся из Петрограда начальник нашей бригады контр-адмирал А.К. Небольсин⁸ и в тот же вечер решил пойти на «Кречет», в штаб флота.

Около 8 часов вечера этого дня, когда меня позвал к себе адмирал, вдруг пришел старший офицер и доложил, что в команде заметно сильное волнение. Я сейчас же приказал играть сбор,

⁸ Небольсин Аркадий Константинович (1865–1917) – контр-адмирал (1915). Участвовал в Цусимском сражении старшим офицером крейсера I ранга «Аврора». С 1915 году командовал 2-й бригадой линейных кораблей Балтийского флота.

а сам поспешил сообщить о происшедшем адмиралу, но тот на это ответил: “Справляйтесь сами, а я пойду в штаб”, – и ушел.

Тогда я направился к командным помещениям. По дороге мне кто-то сказал, что убит вахтенный начальник, а далее сообщили, что убит адмирал. Потом я встретил нескольких кондукторов, бежавших мне навстречу и кричавших, что “команда разобрала винтовки и стреляет”.

Видя, что времени терять нельзя, я вбежал в кают-компанию и приказал офицерам взять револьверы и держаться всем вместе около меня.

Действительно, скоро началась стрельба, и я с офицерами, уже под выстрелами, прошел в кормовое помещение. По дороге я снял часового от денежного сундука, чтобы его не могли случайно убить, а одному из офицеров приказал по телефону передать о происходящем в штаб флота.

Команда, увидев, что офицеры вооружены револьверами, не решалась наступать по коридорам и начали стрелять через иллюминаторы в верхней палубе, что было удобно, так как наши помещения были освещены.

Тогда с одним из офицеров я бросился в каюту адмирала, чтобы выключить лампочки. Но в тот же момент через палубный иллюминатор была открыта сильная стрельба. Пули так и свистали над нашими головами и сыпался целый град осколков. Почти сейчас же нам пришлось выскочить обратно, и мы успели потушить только часть огней.

Тем временем офицеры разделились на две группы, и каждая охраняла свой выход в коридор, решившись если не отбиться, то, во всяком случае, дорого продать свою жизнь.

Пули пронизывали тонкие железные переборки, каждый момент угрожая попасть в кого-нибудь из нас. Вместе с их жужжанием и звоном падающих осколков стекол мы слышали дикие крики, ругань и угрозы толпы убийц.

Помещение, которое мы заняли, соединяло два коридора, ведущих к адмиральскому салону, и само не имело палубных иллюминаторов. Но зато оно имело выходной трап на верхнюю палубу, люк которого на зимнее время был обнесен тонкой деревянной надстройкой. Пули, легко проникая через ее стенки, достигали нас, так что скоро был тяжело ранен в грудь и живот мичман Т.Т. Воробьев и убит один из вестовых.

Через некоторое время, так как осада все продолжалась, я предложил офицерам выйти наверх к команде и попробовать ее образумить.

Мы пошли... Я шел впереди. Едва только я успел ступить на палубу, как несколько пуль сразу же просвистело над моей головой, и я убедился, что пока выходить нельзя и придется продолжать выдерживать осаду внизу.

Уже три четверти часа продолжалась эта отвратительная стрельба по офицерам, как вдруг мы услышали крик у люка: “Мичмана Р. наверх!” Этот мичман всегда был любимцем команды, и потому я посоветовал ему выйти наверх, так как, очевидно, ему никакая опасность не угрожала, а наоборот – его хотели спасти. Вместе с тем он мог помочь и нам, уговаривая команду успокоиться.

Но стрельба и после этого продолжалась все время, и не видя ей конца, я опять решил выйти к команде, но на этот раз один.

Поднявшись по трапу и открыв дверь деревянной надстройки, я увидел против себя одного из молодых матросов корабля с винтовкой, направленной на меня, а шагах в двадцати стояла толпа человек в сто и угрюмо молчала. Небольшие группы бежали с винтовками по палубе, стреляли и что-то кричали. Кругом было почти темно, так что лиц нельзя было разобрать.

Я быстро направился к толпе, от которой отделилось двое матросов. Идя мне навстречу, они кричали: “Идите скорее к нам, командир”.

Вбежав в толпу, я вскочил на возвышение и, пользуясь общим замешательством, обратился к ней с речью: “Матросы, я, ваш командир, всегда желал вам добра и теперь пришел, чтобы помочь разобраться в том, что творится, и оберечь вас от неверных шагов. Я перед вами один, и вам ничего не стоит меня убить, но выслушайте меня и скажите: чего вы хотите, почему напали на своих офицеров? Что они вам сделали дурного?”

Вдруг я заметил, что рядом со мной оказался какой-то рабочий, очевидно, агитатор, который перебил меня и стал кричать: “Кровопийцы, вы нашу кровь пили, мы вам покажем...”. Чтобы не дать повлиять его выкрикам на толпу, я в ответ крикнул: “Пусть он объяснит, кто и чью кровь пил”. Тогда вдруг из толпы раздался голос: “Нам рыбу давали к обеду”, а другой добавил: “Нас к Вам не допускали офицеры”.

Я сейчас же ответил: “Неправда, я, ежемесячно опрашивая претензии, всегда говорил, что каждый, кто хочет говорить лично со мной, может заявить об этом, и ему будет назначено время. Правду я говорю или нет?”

И я облегченно вздохнул, когда в ответ на это послышались голоса: “Правда, правда, они врут, против Вас мы ничего не имеем”.

В этот самый момент раздалось душераздирающие крики, и я увидел, как на палубу были вытащены два кондуктора с окровавленными головами: их тут же расстреляли; а потом убийцы подошли к толпе и начали кричать: “Чего вы его слушаете, бросайте за борт, нечего там жалеть...” С кормы же раздалось крики: “Офицеры убили часового у сундука”.

Воспользовавшись этой явной ложью, я громко сказал: “Ложь, не верьте им, я сам его снял, оберегая от их же пуль”.

Тем временем толпа, окружавшая меня, быстро возмужала и я видел, что на мою сторону переходит большая часть команды, и потому, уже более уверенно, продолжал говорить, доказывая, что во время войны всякие беспорядки и бунты для России губительны и крайне выгодны неприятелю, что последний на них очень рассчитывает, и так далее.

Вдруг к нашей толпе стали подходить несколько каких-то матросов, крича: “Разойдись, мы его возьмем на штыки”.

Толпа вокруг меня как-то разом замерла; я же судорожно схватился за рукоятку револьвера. Видя все ближе подходящих убийц, я думал: мой револьвер имеет всего девять пуль: восемь выпущу в этих мерзавцев, а девятой покончу с собой.

Но в этот момент произошло то, чего я никак не мог ожидать. От толпы, окружавшей меня, отделилось человек пятьдесят и пошло навстречу убийцам: “Не дадим нашего командира в обиду!” Тогда и остальная толпа тоже стала кричать и требовать, чтобы меня не тронули. Убийцы отступили...

Избежав таким образом смерти, я, совершенно усталый и охрипший, снова обратился к команде, прося спасти и других офицеров.

Однако мой голос уже отказывался повиноваться, и я невольно должен был замолчать. Этим, конечно, могли бы воспользоваться находившиеся поблизости агитаторы и опять начать возбуждать против меня толпу. Чтобы выйти из этого опасного положения, стоявший рядом со мной мичман Б., которого команда вызвала наверх, так же, как и мичмана Р., громко крикнул: “А ну-ка на “ура” нашего командира”, – и меня подхватили и начали качать.

Это была победа, и я был окончательно спасен. Но остальные офицеры продолжали быть в большой опасности, и, слыша продолжающуюся по ним стрельбу, я решил опять заговорить о них.

Так как дело происходило на открытом воздухе, а я был без пальто, то наконец совсем продрог. Это заметили окружающие матросы, и один из них предложил мне свою шинель. Но я отклонил предложение, и тогда было решено перейти в ближайший каземат.

Там я снова обратился к команде, требуя спасти офицеров. Я предложил ей дать мне слово, что ничья рука больше не подымет на них; я же пройду к ним и попрошу отдать

револьверы, после чего они будут арестованы в адмиральском салоне, и их будет охранять караул.

Мне на это ответили: “Нет. Вы будете убиты, не дойдя до них”.

Тогда мне пришла мысль вызвать офицеров к себе в каземат. И хоть это было сопряжено с риском, но, оставаясь по-прежнему в корме, они все неизбежно были бы перестреляны.

Команда на это предложение согласилась, но с условием, что по телефону будет говорить матрос, а не я. Мне, конечно, только оставалось выразить свое согласие, но чтобы офицеры, не зная, жив ли я, не подумали, что их хотят заманить в ловушку, стоя у телефона, я стал громко диктовать то, что следует передавать. Таким образом, мой голос был слышен офицерам, и они поняли, что этот вызов действительно исходит от меня.

Позже выяснилось, что, когда шайка убийц увидела, что большинство команды на моей стороне, она срочно собрала импровизированный суд, который без долгих рассуждений приговорил всех офицеров, кроме меня и двух мичманов, к расстрелу. Этим они, очевидно, хотели в глазах остальной команды оформить убийства и в дальнейшем гарантировать себя от возможных репрессий.

Во время переговоров по телефону с офицерами в каземат вошел матрос с “Павла I” и наглым тоном спросил: “Что, покончили с офицерами, всех перебили? Медлить нельзя”. Но ему ответили очень грубо: “Мы сами знаем, что нам делать”, – и негодяй, со сконфуженной рожей, быстро исчез из каземата.

Скоро всем офицерам благополучно удалось пробраться ко мне в каземат, и по их бледным лицам можно было прочесть, сколько ужасных моментов им пришлось пережить за этот короткий промежуток времени.

Сюда же был приведен тяжелораненый мичман Т.Т. Воробьев. Его посадили на стул, и он на все обращенные к нему вопросы только бессмысленно смеялся. Несчастный мальчик за эти два часа совершенно потерял рассудок. Я попросил младшего врача отвести его в лазарет. Двое матросов вызвались довести и, взяв его под руки, вместе с доктором ушли. Как оказалось после, они по дороге убили его на глазах у этого врача.

Еще раз потребовав от команды обещания, что никто не тронет безоружных офицеров, я и все остальные отдали свои револьверы. После этого мы все прошли в адмиральское помещение, у которого был поставлен часовой, с инструкцией от команды: “Никого, кроме командира, не выпускать”.

Хорошо еще, что пока команда была трезва и с ней можно было разговаривать. Но я очень боялся, что ее научат разгромить погреб с вином, а тогда нас ничто уж не спасло бы. Поэтому я убедил команду поставить часовых у винных погребов.

Время шло, но на корабле все еще было беспокойно, и банда убийц продолжала свое дело. Мы слышали выстрелы и предсмертные крики новых жертв. Это продолжалась охота на кондукторов и унтер-офицеров, которые попрятались по кораблю. Ужасно было то, что я решительно ничего не мог предпринять в их защиту.

Нас больше уже не трогали, и я сидел или у себя в каюте, из которой была видна дверь в коридор, или был у офицеров.

Вдруг я услышал шум в коридоре и увидел нескольких человек команды, бегущих ко мне. Я пошел им навстречу и спросил, что надо. Они страшно испуганными голосами ответили, что на нас идет батальон из крепости: “Помогите, мы не знаем, что делать”. Я приказал ни одного постороннего человека не пускать на корабль. Мне ответили “так точно”, и стали униженно просить командовать ими.

Тогда я вышел наверх, приказал сбросить сходню, и команда встала у заряженных 120-мм орудий и пулеметов.

Мы прожектором осветили толпу, идущую по льду мимо корабля, но, очевидно, она преследовала какую-то другую цель, потому что прошла, не обратив никакого внимания на нас, и

скрылась в направлении города. Как позже выяснилось, она шла убивать всех встречных офицеров и даже вытаскивала их из квартир.

После того как команда, столь храбрая на убийство горсточки беззащитных людей и струсившая при первом же призраке опасности настолько, что у тех, кого только что хотела убить, готова была просить самым униженным образом помощи, успокоилась, я опять спустился к себе в каюту.

Находясь на верхней палубе, я видел, что на всех кораблях флота горели зловещие красные огни, а на соседнем “Павле I” то и дело вспыхивали ружейные выстрелы.

Весь остаток ночи я и офицеры не спали и все ждали, что опять что-нибудь произойдет, так как продолжали не доверять команде. Но, наконец около 6 часов утра начало светать, и сразу стало легче на душе; да и выстрелы на корабле окончательно затихли, и все как будто успокоилось.

Тогда я пошел к себе в каюту, думая немного отдохнуть. Осмотревшись в ней, я увидел, что все стены, письменный стол и кровать изрешечены пулями, а пол усеян осколками разбитых стекол иллюминаторов и кусочками дерева.

Печальный вид каюты командира линейного корабля во время войны и после боя, но не с противником, а со своей же командой!..

Позже, из беседы с офицерами, мне удалось выяснить обстановку, при которой был убит адмирал Небольсин.

Оказывается, он после разговора со мной сошел с корабля на лед, но не успел еще пройти его, как по нему была открыта стрельба. Тогда он сейчас же направился обратно к кораблю и, когда всходил по сходне, в него было сделано в упор два выстрела, и он упал замертво.

Что касается вахтенного начальника лейтенанта Г.А. Бубнова, то он был убит во время того, как хотел заставить караул повиноваться себе. Для этого он схватил винтовку у одного из матросов, но в тот же момент был застрелен кем-то с кормового мостика.

Потом тела как адмирала, так и лейтенанта Бубнова были ограблены и свезены в покойницкую.

На следующее утро команда выбирала судовой комитет, в который, конечно, вошли все наибольшие мерзавцы и крикуны. Одновременно был составлен и суд, которому было поручено судить всех офицеров. Он не замедлил оправдать оказанное ему доверие и скоро вынес приговор, по которому пять офицеров были приговорены к расстрелу, в том числе и младший доктор: очевидно, только за то, что был свидетелем гнусного убийства раненого мичмана Воробьева.

Вечером с готовым приговором ко мне пришли члены судового комитета и заявили о желании прочитать его офицерам.

Теперь, таким образом, для меня явилась новая трудная задача: задержать исполнение приговора, а потом уговорить комитет и совсем его отменить. Для начала я предложил комитету перевести осужденных офицеров в мой кабинет, с тем, что ни я к ним без членов комитета, ни они без меня не смели бы входить. Они на это согласились, и эти несчастные офицеры были помещены в кабинете, а остальные освобождены из-под ареста без права съезда на берег.

Двое суток я употребил на непрерывные разговоры, уговоры и убеждение команды отменить этот нелепый приговор, но все было напрасно. Между тем больше медлить было нельзя, ибо приговор должен был быть приведен в исполнение на следующий день в три часа дня. Тогда я решил прибегнуть к последнему средству спасти их: это – использовать приезд членов Временного правительства. В этом духе я стал инспирировать команду, говоря, что странно, что члены правительства посетили все корабли, кроме нас. Да и действительно было странно, что они не посетили нас, когда здесь их помощь особенно была нужна, и этого не мог не знать командующий флотом адмирал Максимов!..

Наконец на следующий день, утром, мне удалось убедить команду пригласить на корабль приехавшего в числе депутации Родичева. Под контролем одного из членов комитета в 10 часов утра я передал как бы от имени команды ее желание теперь же видеть Родичева. Я старался придать такой оттенок своему разговору, чтобы в штабе поняли, что если он не приедет, то опять произойдут печальные события.

Но все же, не будучи совершенно уверен, что моя просьба будет исполнена, я через час вторично позвонил в штаб и сказал, что команда ждет Родичева и необходимо торопиться.

В час дня я звонил еще раз, и мне подтвердили, что Родичев к двум часам приедет на корабль. Я сказал, что это самый последний срок, что команда больше не хочет ждать и повторил: “Вы понимаете меня?” Мне ответили: “Мы Вас понимаем, это будет исполнено”.

После этого началось мучительное ожидание. Время шло чрезвычайно быстро; скоро было уже два часа, а затем оставался всего один час до приведения в исполнение приговора. Если Родичев вопреки всем моим просьбам все же не приедет, то последняя надежда на спасение рухнет, и несчастные пять офицеров на наших глазах будут расстреляны.

Наконец пробило два часа, и через несколько минут мне сообщили, что в автомобиле едет Родичев. Я облегченно вздохнул.

Взойдя на корабль, он вполголоса меня спросил, есть ли арестованные офицеры. Я ответил, что пять человек ожидают с минуты на минуту приведения в исполнение смертного приговора.

Речь Родичева в защиту офицеров произвела сильное впечатление на команду, и она с криками “ура” снесла его на автомобиль. Арестованные офицеры были освобождены, и приговор отменен.

Так кончилась пытка этих трех дней, и, кроме адмирала, двух офицеров да нескольких кондукторов, остальные жертвы были спасены. Но эти три кошмарных дня не прошли бесследно и навсегда запечатлелись в наших душах.

Тем не менее команда все еще не была совершенно спокойна, и агитаторы с утра до вечера произносили речи, стараясь ее настроить против офицеров и, в частности, подорвать мое влияние. Они никак не могли простить мне, что оно имело большее значение, чем вся их агитация.

Все вечера, до поздней ночи, мы с офицерами просиживали в кают-компаниях. Они не хотели расходиться по своим каютам, будучи уверены, что в этом случае в ту же ночь они по одиночке будут перебиты.

Как результат пережитого было то, что два офицера совершенно потеряли рассудок, и их пришлось отправить в госпиталь. Среди кондукторов трое сошли с ума. Из них одного вынули из петли, когда он уже висел на ремне в своей каюте. Другой же, одевшись в парадную форму, вышел из каюты и стал кричать, что он сейчас пойдет к командиру и расскажет, кто кого убивал. Это очень не понравилось убийцам, и они тут же его расстреляли.

В последующие дни в команде все продолжалась агитация против меня. Указывалось на случай с Родичевым как на то, что я обманул команду. Потом был пущен слух, что офицеры, желая отомстить команде, решили взорвать корабль и всех матросов утопить. Все это действовало на нее, и хотя до открытого мятежа не доходило, но все время чувствовалось приподнятое настроение, и приходилось быть начеку. То и дело приходилось разяснять всякие глупейшие недоразумения, успокаивать и убеждать относиться более критически ко всему происходящему. Пока это удавалось, но не было никакой гарантии, что вдруг опять не возникнут эксцессы.

В скором времени на место убитого начальника бригады был назначен я. Таким образом, мне пришлось возиться уже с тремя кораблями, на которых царил полный развал; даром наша бригада после переворота была прозвана “каторжной”.

Через некоторое время опять стало заметно сильное брожение среди команд и пришлось опасаться повторения мартовских событий. Причиной этому послужила усиленная агитация

за снятие с офицеров и кондукторов погон, а с унтер-офицеров нашивок как ярких отличий “старого режима”.

Когда командующему флотом было донесено об этом, он объявил, что немедленно снесется с правительством по вопросу об изменении формы всего личного состава флота. При этом форма будет без погон.

Однажды, когда я приехал на корабль, меня встретили унтер-офицеры без нашивок, и старший офицер доложил, что команда волнуется и требует, чтобы офицеры и кондукторы немедленно сняли погоны.

Я сейчас же вызвал к себе судовые комитеты со всех кораблей бригады и объяснил им, в каком положении находится дело об изменении формы, что необходимо подождать некоторое время, пока она будет выработана и ею обзаведутся офицеры. Комитеты со мной согласились и обещали успокоить команды.

Во время этих переговоров мне дважды докладывали, что поведение команды на “Андрее” становится все более и более угрожающим. Когда после окончания совещания я вышел в коридор, то увидел взволнованного старшего офицера и нескольких других, которые вопросительно смотрели на меня, как бы ожидая моего выступления в их защиту.

Тогда я решил положить конец агитации и оградить офицеров от новой опасности. Выйдя на палубу, я громко приказал поднять сигнал: “Ввиду предстоящего изменения формы, предлагаю офицерам и кондукторам бригады снять погоны, а унтер-офицерам нашивки”.

Когда же все корабли ответили на сигнал, я снял и свои погоны. За мной наблюдали. Но, кажется, ни один мускул не дрогнул на моем лице, хотя меня и душили слезы...

Но этого с меня было совершенно достаточно. Очевидно, что такого рода издевательствам не предвиделось конца. Поэтому я решил при первом удобном случае уйти с бригады и вообще покинуть службу на флоте, так как становилось ясным, что больше рассчитывать не на что и что он с каждым днем все ближе и ближе к полному разложению...»

Позже относительно бунта на «Андрее Первозванном» мне приходилось беседовать с его офицерами. Пережитые ужасы оставили в их памяти неизгладимый отпечаток. «Никогда нам не забыть уже этих дней», – говорили они. «То, что мы испытали – был какой-то ад, хуже ада... Все произошло так неожиданно, что мы не успели даже опомниться. Безусловно, нас всех бы перебили, вдоволь поиздевавшись над нами, если бы не железная выдержка и мужество нашего командира. Как он был тогда великолепен! Всегда впереди, готовый умереть за каждого из нас, первым принять удары убийц... В его глазах горел какой-то особый стальной блеск, блеск непоколебимой решимости и безграничного самопожертвования. Твердо и уверенно, как будто ни в чем не бывало, он вышел к команде, чтобы попытаться ее успокоить. Когда мы были уже арестованы и находились в адмиральском помещении, он, с целью преградить путь толпе матросов, если бы она вздумала расправиться с нами самосудом, уселся сзади дверей, вслушиваясь в малейший шум, доносившийся извне... Мы его очень любили и раньше, но тут он стал бесконечно дорог нам и таким останется для нас уже навсегда».

Когда происходили вышеописанные события на «Андрее Первозванном», на соседнем «Императоре Павле I» наблюдалась картина еще ужаснее.

Бунт вспыхнул с того, что в палубе был поднят на штыки штурманский офицер лейтенант В.К. Ланге, якобы за то, что числился агентом охранного отделения; в действительности, конечно, ничего подобного не было.

На шум, поднятый во время этого убийства, немедленно пошел старший офицер старший лейтенант В.А. Яновский, предварительно послав дежурного офицера мичмана Шуманского⁹ передать распоряжение офицерам, чтобы они шли по своим ротам.

⁹ Список убитых в феврале – марте 1917 года в Гельсингфорсе и Кронштадте офицеров (80 фамилий) опубликован А.М. Чижовым в морском информационно-историческом вестнике «Андреевский флаг», № 3–4 за 1992 год. Отдельные данные

Передав это приказание, мичман Шуманский и несколько других офицеров быстро направились по коридорам к ротам. В коридоре им навстречу шла группа матросов. Мичман Шуманский ее как-то случайно проскочил, а следующий, лейтенант Н.Н. Савинский, был остановлен. Матросы просили Савинского не ходить далее, так как его убьют.

Лейтенант Савинский был совершенно безоружен и на это предупреждение только поднял руки кверху и сказал: «Что же – убейте...» И в тот же момент, действительно, был убит ударом кувалды по затылку. Его убил подкравшийся сзади кочегар Руденок, из крестьян Полтавской губернии.

Когда предупреждавшие Савинского матросы хотели его перенести в лазарет, убийца еще несколько раз ударил его по голове кувалдой.

Той же кувалдой кочегар Руденок убил и проскочившего толпу мичмана Шуманского. Он же убил и мичмана Булича.

Старший офицер, старавшийся на верхней палубе образумить команду, был ею схвачен, избит чем попало, за ноги доташен до борта и выброшен на лед.

Командир этого корабля капитан 1-го ранга С.Н. Дмитриев¹⁰ на защиту своих офицеров выступить не решился, успокоить команду не пытался и просидел в течение всего острого момента в кают-компании, предоставив каждому действовать по своему усмотрению.

В тот же вечер начала вести себя крайне вызывающе и команда на крейсере «Диана». Хотя убийств пока не было, но у всех офицеров было отобрано оружие, а старший офицер капитан 2-го ранга Б.Н. Рыбкин и штурман были арестованы. Всю ночь эти офицеры, сидя в своих каютах, слышали за стенками разговоры, что их надо расстрелять, спустить под лед и так далее. Самочувствие их было самое ужасное.

На следующий день, 4 марта, их продолжали держать арестованными. К вечеру же они узнали, что их якобы решено отвести на гауптвахту и потом судить.

Действительно, около захода солнца им было велено одеться. С караулом в три или четыре человека, вооруженных винтовками, их вывели на лед и повели по направлению к городу.

Пока они находились на палубе и сходили по трапу, вокруг них собралась толпа матросов и слышались площадная брань и угрозы. Невольно у них zakралось сомнение, действительно ли их введут на гауптвахту и не покончат ли с ними по дороге.

Конвой по отношению к ним вел себя очень грубо и тоже угрожал. Когда их группа уже была на порядочном расстоянии от корабля, а город был еще далеко, они увидели, что им навстречу идут несколько человек в матросской форме и зимних шапках без ленточек, вооруженных винтовками.

Поравнявшись с арестованными офицерами, они прогнали конвой, а сами в упор дали несколько залпов по несчастным офицерам. Те сейчас же упали, обливаясь кровью, так как в них попало сразу по несколько пуль. Штурман, хотя и был тяжело ранен, но не сразу потерял сознание. Он видел, как убийцы подошли к капитану 2-го ранга Рыбкину. Тот лежал без движения, но еще хрипел; тогда они стали его добивать прикладами и еще несколько раз в него

этого списка нуждаются в дальнейшем уточнении. По сведениям М.А. Беспяткина (Центральный военно-морской музей), общее количество жертв среди офицеров в событиях 1–4 марта 1917 года на Балтийском флоте достигает 95 человек, в том числе в Гельсингфорсе – 45, Кронштадте – 40, Ревеле – 5, Петрограде – 4. Пропали без вести 11 и покончили с собой 4 офицера. Кроме того, погибли более 20 кондукторов. В Кронштадте в перестрелке с полицией и жандармами были убиты семеро восставших.

¹⁰ *Дмитриев Степан Николаевич* (1878–1921) – контр-адмирал (1917). В Русско-японскую войну командовал миноносцем «Сердитый», на котором в 1904 году прорвался из Порт-Артура в Чифу. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени и золотого оружия с надписью «За храбрость». Командовал линейным кораблем «Император Павел I» с 1915 года. В Гражданскую войну – в Красном алоте, командовал Действующим отрядом судов Балтийского флота (1919–1920), организовав отпор английским интервентам, в 1920–1921 годах – начальник бригады линкоров, участвовал в Кронштадтском восстании 1921 года, за что был арестован органами ВЧК и расстрелян. Оценка этого выдающегося офицера Г.К. Графом, очевидно, объясняется тем, что Дмитриев остался служить в Красном алоте.

выстрелили. Только убедившись окончательно, что он мертв, подошли к штурману. Тот притворился мертвым, и они, потрогав его и несколько раз ударив прикладами, ушли. Эти люди-звери с легкой руки убили двух человек и как ни в чем не бывало ушли, ушли с таким видом, точно исполнили свой долг!

Вскоре после этого штурман лишился чувств. Когда же он очнулся, то увидел, что уже довольно темно и что недалеко от него проходит мальчик лет пятнадцати, финн.

Он подозвал его слабым голосом, попросил помочь встать и отвести в какой-нибудь дом. Мальчик сейчас же подошел; штурман кое-как встал, и общими усилиями они побрели. Но это было трудно, мальчик был слишком слаб, а штурман почти не мог держаться на ногах. Таким образом, падая, отдыхая и ползя, им удалось немного отойти в сторону от дороги. Там мальчик оставил штурмана, а сам побежал в город за извозчиком.

Спустя некоторое время он приехал на извозчике, и вместе они положили раненого на дно саней и покрыли полостью. Через час штурман уже лежал в частной лечебнице с промытыми и перевязанными ранами. А через месяц, несмотря на то что у него было три раны навылет, его здоровье поправилось уже настолько, что он мог уехать тайком в Петроград, а затем и бежать за границу. Все время болезни персонал больницы тщательно его оберегал от возможных встреч с командой «Дианы», скрывая даже, что он офицер. Конечно, это сильно облегчалось тем, что все были убеждены в смерти штурмана...

На 1-м дивизионе тральщиков команда была тоже в очень приподнятом настроении, но убийств не производила; исключением стала команда тральщика «Ретивый», на котором были убиты командир лейтенант А.Н. Репнинский и мичман Д.Н. Чайковский.

Большинство офицеров дивизиона в это время отсутствовало, но как только были получены тревожные сведения, сейчас же все поехали на свои суда. Один из командиров, старший лейтенант В.Н. Кулибин, возвращаясь на свой тральщик, встретил по дороге большую толпу из матросов, солдат и рабочих. На него тут же набросились, хотели арестовать и, пожалуй, прикончили бы, но за него вступились матросы с его дивизиона; благодаря им он был отпущен.

Добравшись до своего судна, он ничего особенного на нем не заметил. Команда была совершенно спокойна и к нему очень доброжелательна, так как он был ею любим. Поговорив с ними о происходящем, Кулибин спустился к себе в каюту.

Через некоторое время он вдруг услышал, что его кто-то зовет с верхней палубы. Поднявшись на нее, он увидел, что у трапа с револьвером в руке стоит матрос с «Ретивого». Так как виду него был угрожающий, то Кулибин хотел спуститься в каюту и взять револьвер. Но было уже поздно. Раздалось несколько выстрелов, и он упал, раненный двумя пулями. Матрос же продолжал стрелять, пока одна из пуль, рикошетируя от стальной стенки люка, не попала ему самому в живот, и он упал. Сбежалась команда тральщика, сейчас же их обоих отнесли в госпиталь, но убийца, промучившись несколько часов, умер.

Кулибин был очень тяжело ранен, так как одна из пуль задела позвоночный столб, и он больше года пролежал почти без движения, имея парализованные ноги и руки. Убийцу же причислили к «жертвам революции» и торжественно хоронили в красном гробу...

Было и еще несколько убитых офицеров на Дивизии траления, но не своими командами, а никому не известными лицами в матросской форме. Ими был убит командир тральщика «Взрыв» капитан 2-го ранга К.П. Гильтебрандт, командир тральщика «№ 218» старший лейтенант Л.К. Львов и командир тральщика «Минреп» лейтенант А.Г. Бойе.

В первый день переворота, на стенке, у которой стояла Сторожевая дивизия, собралась большая толпа из матросов и солдат, вооруженных винтовками и револьверами. Она требовала выдачи офицеров и при этом страшно шумела. Услышав, что на берегу творится что-то неладное, на палубы кораблей вышли некоторые офицеры и матросы. Между ними был и командир «Меткого» старший лейтенант П.Г. Витт.

Увидев, в чем дело, и убедившись, что его миноносцу ничего не угрожает, он повернулся и собирался спуститься вниз, но в этот момент был убит из винтовки каким-то солдатом из толпы.

При аналогичных обстоятельствах были убиты командиры посыльного судна «Куница» лейтенант А.П. Ефимов и сетевого заградителя «Зея» лейтенант граф В.М. Подгоричани-Петрович.

В первый же день революции, очевидно, те же убийцы появились и на бонах, у которых стояли, ошвартовавшись, 9-й и 5-й дивизионы миноносцев. Дело было около полудня, когда почти вся команда ушла на Вокзальную площадь. По-видимому, рассчитывая на это, толпа их подошла сначала к 9-му дивизиону и стала требовать от вахтенных матросов выдачи офицеров. Но те прогнали их вон, не пропустив даже на палубу. Тогда они пошли к 5-му дивизиону. На ближайшем от края миноносце «Эмир Бухарский» как раз в это время вахтенный отсутствовал. Получив «свободу», он стал ею пользоваться в самых широких размерах и, не сменившись, пошел обедать. Негодяи беспрепятственно вошли на миноносец и быстро спустились в кают-компанию. Там сидели за обедом три офицера: старший лейтенант Варзар, мичман Лауданский и мичман Нейберг. Быстро расправившись с ними самым зверским образом, убийцы также быстро и скрылись. Вероятно, они собирались таким же способом поступить и с офицерами других миноносцев, но их случайно заметил офицерский вестовой, который нес в кают-компанию второе блюдо. Он моментально поднял тревогу. Тогда злодеи бежали и, опасаясь погони, скрылись с бонов.

Накануне вечером на этом же дивизионе, на миноносце «Уссуриец» были убиты его командир капитан 2-го ранга М.М. Поливанов и механик старший лейтенант А.Н. Плешков.

Командир «Гайдамака», услышав выстрелы, послал туда своего мичмана Биттенбиндера узнать, что случилось. Но только мичман вошел на палубу, как в него, почти в упор, было выпущено несколько пуль из нагана. Три из них попали ему в живот. Он сейчас же упал, но у него все же еще хватило сил проползти от сходни до носа «Уссурийца». Оттуда его взяла команда соседнего «Всадника» и перенесла на его миноносец.

Промучившись несколько часов, он умер. На похороны его пошла вся команда «Гайдамака», которая его страшно жалела. Но вместе с тем матросы считали, что он – неизбежная жертва революции и этим оправдывали его убийство командой «Уссурийца».

На второй или третий день после переворота были убиты командир Свеаборгского порта генерал-лейтенант В.Н. Протопопов и молодой корабельный инженер Л.Г. Кириллов. Первый был очень гуманный человек, и его все любили, а второй только что начал свою службу и даже не успел себя ничем проявить. Таким образом, нельзя и предположить, чтобы причиной убийства могло послужить их отношение к подчиненным. Тем более, что они были убиты из-за угла какими-то неизвестными лицами, которые безнаказанно скрылись.

Но далеко не везде убийцам удавалось их гнусное дело. Когда, например, подойдя к дредноутам, они потребовали выдачи офицеров, им в ответ были вызваны караулы. Это заставило их разбежаться.

С крейсера «Россия» этим же мерзавцам для того, чтобы разойтись, было дано только несколько минут, иначе угрожали открыть огонь.

Так прошел переворот на флоте, на берегу же убийства офицеров происходили в обстановке, еще более ужасной.

Их убивали при встрече на улице или врываясь в их квартиры и места службы, бесчеловечно издеваясь над ними в последние минуты. Но и этим не довольствовалась толпа зверей-убийц: она уродовала и трупы и не подпускала к ним несчастных близких, свидетелей этих ужасов.

Передают, что труп одного из офицеров эти изверги поставили стоя в угол покойницкой и, с кривляньями подсакивая к нему, говорили: «Ишь ты, стоит!.. Ну, постой, постой... и мы пред тобой когда-то стояли навтыжку!..»

Даже похоронить мучеников нельзя было так, как они того заслуживали своей кончиной: боялись издевательств во время погребения, и ни революционные организации, ни революционный командующий флотом не брались оградить от этого. Они были тайком ночью отвезены на кладбище и наскоро зарыты. Первое время над их могилами нельзя было сделать и надписей на крестах, так как по кладбищам бродили какие-то мерзавцы, которые делали на крестах различные гнусные надписи.

Последующие дни прошли спокойно, и убийства офицеров в Гельсингфорсе почти прекратились, а если и были, то только отдельные случаи. Но что сделано – того не вернешь, и «бескровный» переворот в Гельсингфорсе стоил жизни тридцати восьми¹¹ морским офицерам, не считая сухопутных, большинство из них погибло от рук таинственных убийц в форме матросов и солдат, но были павшие и от рук своей собственной команды...

Разбираясь в этих убийствах, в связи с существовавшими взаимоотношениями на флоте между офицерами и командами, нельзя не прийти к убеждению, что то, что произошло, было не случайным явлением, а кем-то организованным, преднамеренным убийством. Но с какой целью?

Мы тогда терялись в догадках, стараясь найти причину убийства наших несчастных офицеров. Некоторые приписывали это германским агентам, с целью расстроить боеспособность флота; другие – какой-то таинственной организации, тем более что в городе появился список офицеров, намеченных к убийству, причем в него были помещены все командиры, старшие офицеры и старшие специалисты. Если бы убийства действительно были бы по нему выполнены, то флот оказался бы совершенно без руководителей. Но так или иначе для всех было ясно, что все эти эксцессы были вызваны искусственно, под влиянием агитации, совершены просто подосланными убийцами, а не были вспышкой негодования за отношение начальства к подчиненным.

Только значительно позже, совершенно случайно, один из видных большевистских деятелей присяжный поверенный еврей Шпицберг в разговоре с несколькими морскими офицерами пролил свет на эту драму¹².

Он совершенно откровенно заявил, что убийства были организованы большевиками во имя революции. Они принуждены были прибегнуть к этому, так как не оправдались их расчеты на то, что из-за тяжелых условий жизни, режима и поведения офицеров переворот автоматически вызовет резню офицеров. Шпицберг говорил: «Прошло два, три дня с начала переворота, а Балтийский флот, умно руководимый своим командующим адмиралом Непениным, продолжал быть спокойным. Тогда пришлось для “углубления” революции, пока не поздно, отделить матросов от офицеров и вырыть между ними непроходимую пропасть ненависти и недоверия. Для этого-то и были убиты адмирал Непенин и другие офицеры. Образовывалась “пропасть”, не было больше умного руководителя, офицеры уже смотрели на матросов как на убийц, а матросы боялись мести офицеров в случае реакции...»

Шпицберг прав. Мы не забудем этих дней, этих убийств. Но ответственность за них мы возложим не на одураченных матросов, а на устроителей и вождей революции.

Эти убийства были ужасны, но еще ужаснее то, что они никем не были осуждены. Разве общество особенно требовало их расследования, разве оно их резко порицало?.. Впрочем, о

¹¹ См. п. 8. Количество убитых именно в Гельсингфорсе нуждается в некотором уточнении.

¹² Версия автора об организации убийств офицеров именно «евреями-большевиками» представляется сомнительной. Убийства во многом носили стихийный характер, «Большевизация» флота наступила гораздо позже.

чем же и толковать, раз сам военно-морской министр нового правительства Гучков¹³ санкционировал награждение Георгиевским крестом унтер-офицера запасного батальона Волынского полка Кирпичникова за то, что тот убил своего батальонного командира...

В свое время господа Керенские, Гучковы, Львовы, Милуковы и так далее объявили амнистию всем таким убийцам и этим не только покрыли убийства во имя революции, но и узаконили их после переворота. Этим они взяли на себя кровь, пролитую наемными убийцами, которые были посланы «вырыть пропасть»; этим они заслужили вечное проклятие и от близких этих жертв, и от всей России!..

Целый ряд надмогильных крестов на кладбищах Гельсингфорса всегда будет служить живым укором этим господам и требовать отмщения...

В каждом из других портов Балтийского моря переворот имел свои характерные черты и проявлялся спокойно или бурно в зависимости от того, какие корабли и части на них базировались, и, главным образом, насколько подпольная агитация обратила серьезное внимание на данный пункт.

Второй базой действующего флота был Ревель. В нем зимовали: 1-я бригада крейсеров, Дивизия подводных лодок и часть Минной дивизии. Это были все корабли, много плававшие и часто входившие в соприкосновение с неприятелем. Поэтому их настроение было значительно бодрее, чем на дредноутах и броненосцах. Команды были более сплочены, лучше знали своих офицеров и, находясь не один раз в тяжелых боевых переделках, научились ценить начальников, понимая, как трудно их заменить.

1 марта на судах было объявлено о перевороте в Петрограде и переходе власти к Временному комитету Государственной Думы. Затем пришло известие об отречении государя императора и наследника цесаревича. Все эти известия команды приняли совершенно спокойно; ни на одном корабле не возникло беспорядков, и ни одного морского офицера не было убито. Команды то и дело обращались к офицерам за разъяснениями по поводу текущего момента, советовались с ними и относились во всех случаях с должным чинопочтением.

Служба на кораблях не только не опустилась, но стала еще строже, команда старалась добросовестнее относиться к своим обязанностям и следила друг за другом. Было полное желание воевать, и о мире никто не хотел и слышать.

Такое спокойное отношение команд к текущим событиям позволило даже, параллельно с возникновением революционных организаций матросов, организовать и офицерский союз для защиты прав офицеров и урегулирования нового положения.

В городе переворот прошел не так спокойно. Там собралась большая толпа черни, выпустила арестантов, подожгла тюрьму и то же самое сделала и с гауптвахтой. Во время столкновения ею был убит караульный начальник, сухопутный прапорщик, и избит приехавший успокаивать ее комендант крепости.

В Моонзунде, на передовой позиции, всю зиму стояли линейный корабль «Цесаревич» и крейсер «Адмирал Макаров». На них известие о перевороте ничуть не испортило отношений между офицерами и командами.

В третьем большом порту, на который Действующий флот во время войны не базировался, кроме нескольких учебных судов и транспортов, других кораблей не было. Но зато там был огромный контингент молодых матросов, обучавшихся в специальных классах; были береговые команды из старых матросов, списанных с кораблей за плохое поведение и отбывших наказание в тюрьмах и дисциплинарных батальонах. Уже только по своему составу матросов

¹³ Гучков Александр Иванович (1862–1936) – организатор «Союза 17 октября», активный деятель Государственной Думы (III и IV созывов), в 1917 году – военный и морской министр Временного правительства. После Гражданской войны – в эмиграции.

этот порт был благодатной почвой для мятежа. Молодые матросы призыва 1917 года явились на службу наполовину распропагандированными и не желавшими воевать. Еще в деревнях услужливые агитаторы вдалбливали им в головы, что воевать не надо и что начальство, которому великолепно живется за счет казны, только и занято угнетением своих подчиненных. Итак, они явились готовыми жадно внимать всякой подпольной агитации о «мире во что бы то ни стало» и про то, что офицеры – это их злейшие враги. Про другой же элемент матросов, штрафованных, побывавших в тюрьмах и дисциплинарных батальонах, говорить не приходится. Они всегда были готовы на все, тем более что и терять-то им было нечего.

Главным командиром и военным губернатором Кронштадта был адмирал Р.Н. Вирен¹⁴, человек по натуре прямой, властный и храбрый, но бесконечно строгий и требовательный. Он был неумолим ко всякой мелочи и немилосердно распекал всех на каждом шагу. Угодить ему было невозможно: и то было плохо, и это нехорошо, и чуть что – пощадь не жди. Матросы как угорелые мчались от главного командира в разные стороны, стремясь спрятать фуражку: при малейшем упущении адмирал Вирен немедленно требовал ее, чтобы узнать номер. По этому номеру потом находили провинившегося.

В своем порту, не только в военное время, но и в мирное, адмирал Вирен завел такие строгие порядки, что матросам во время отпуска в город решительно некуда было деваться: все запрещалось. Бродить же по улицам было скучно, да и опасно, так как можно было попасться на глаза главному командиру или другим офицерам, которые под влиянием предъявляемых им требований тоже становились чрезмерно взыскательными. Оставалось, чтобы за какой-нибудь пустяк не попасть на гауптвахту, скрываться по разным сомнительным притонам.

Строевых офицеров в Кронштадте почти не было. Большинство из начальников частей и штабных уже давно отошло от строевого флота и потеряло с ним всякую связь, а слушатели Минных классов, присланные на зиму туда учиться, не имели никакого отношения к командам. Ни они кронштадтцев, ни кронштадтцы их не знали.

Матросами заведовали офицеры, числившиеся по Адмиралтейству, из которых очень много было перешедших из армии; другая же часть их состояла из подпоручиков и прапорщиков, произведенных во время войны из моряков торгового флота и кондукторов.

Офицеры по Адмиралтейству совершенно не были подготовлены к обращению с матросами и не понимали их, а те, видя в них «чужих офицеров», не питали к ним должного уважения хотя бы потому, что они были «армейскими». Что же касается подпоручиков и прапорщиков, то они, как вообще временный элемент, уже не пользовались в матросской среде никаким авторитетом. Вполне понятно, что воспитать в надлежащем духе своих подчиненных они не могли.

Во главе учебных отрядов стоял вице-адмирал Л.Д. Сапсай¹⁵, человек малоэнергичный и замкнутый, всегда сторонившийся команд. Они его совсем не знали.

Количество учеников-матросов доходило до 3 тысяч человек. Из-за недостатка офицеров все они и на занятиях в классах, и все вечера, то есть круглые сутки, находились на полной ответственности своих инструкторов из унтер-офицеров и фельдфебелей. Инструкторы же эти сами по себе были не слишком надежны, так как из-за большого спроса на них приходилось брать каждого, кто, казалось, мало-мальски удовлетворял требуемым условиям и изъявлял на это желание. Ученики-матросы и в грош не ставили своих инструкторов; наоборот, те сами попадали под их влияние. Таким образом, создавалась благоприятная обстановка для революционной пропаганды.

¹⁴ Вирен Роберт Николаевич (1856–1917) – адмирал (1915), с февраля 1909 по февраль 1917 года – главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта. Автор в целом дает ему очень верную характеристику.

¹⁵ Сапсай Алексей Дмитриевич (1860–1922) – вице-адмирал (1914), в 1915–1917 годы – командующий учебными отрядами и отдельно плавающими учебными судами Балтфлота, в Гражданскую войну – в Красном флоте, в 1918 году – арестовывался органами ВЧК, но был освобожден, затем служил в Управлении военно-морских учебных заведений РККФ.

Находясь вблизи Петрограда и имея в своем распоряжении прямой провод, высшее начальство Кронштадта было всегда в курсе происходивших событий. Когда там вспыхнуло восстание, оно должно было тщательно разобраться в обстановке и осветить все так, как это было в действительности. Вместо того начальство предпочло все скрыть, как будто ничего и не случилось. Были введены еще новые строгости. Матросов решительно никуда не выпускали, и они безвыходно находились на кораблях и в казармах. Для усиления присмотра за ними по всем учебным судам были расписаны офицеры-слушатели, которые, не принося никакой пользы, очутились благодаря этому в очень опасном положении. Они были чужды этим командам и в такой критический момент только зря возбуждали против себя злобу.

Наивно было думать, что какие-либо меры могли совершенно изолировать такое большое количество людей от внешнего влияния. Конечно, из нелегальных источников к ним доходили все известия, но уже в сильно извращенном виде. Злоба и ненависть, возбуждаемые агитаторами, накапливались все больше и больше; положение обострялось с каждой минутой. Начальство же все еще не прозревало.

Вот тут-то и произошла трагедия. Когда у главарей революции в Кронштадте составилось впечатление, что положение восставших в Петрограде окрепло, а следовательно, они мало чем рискуют, ими было поднято восстание.

Ночью взбунтовавшиеся команды стали врывать в каюты офицеров с вопросом, признают ли они Временное правительство? Что могли отвечать офицеры на подобный вопрос? Если «никакого Временного правительства не знаю», – «враг народа», и, в лучшем случае, арест, а то – удар штыком... К чести офицеров, надо сказать, что, несмотря на всю трагичность своего положения, они давали отрицательные ответы.

Одновременно дикие, разъяренные банды матросов, солдат и черни, со зверскими лицами и жаждой крови, вооруженные чем попало, бросились по улицам города. Прежде всего выпустили арестантов, а потом, соединившись с ними, начали истребление ненавистного начальства.

Первой жертвой этой ненасытной злобы пал адмирал Р.Н. Вирен.

Когда толпа подошла к дому главного командира, адмирал Вирен, услышав шум и крик, сам открыл дверь, однако оставив ее на цепочке. Увидев матросов, он стремительно распахнул ее настежь и громко крикнул: «Что нужно?!» Матросы, еще так недавно трепетавшие при звуке его голоса, и теперь сразу притихли и растерялись. Только когда из задних рядов послышались единичные выкрики: «Тебя надо, кровопийца, вот кого нам надо», – толпа опять взволновалась, заревела и, бросившись на адмирала, стащила его полуодетым вниз и поволокла по улицам.

Матросы улюлюкали, подбегали к Вирену, плевали ему в лицо и с площадной бранью кричали: «А ну-ка покажи свой номер!...»

Толпа была одета в самые фантастические костюмы: кто – в вывернутых шерстью наружу полушубках, кто – в офицерских пальто, кто – с саблями, кто – в арестантских халатах, и так далее. Ночью, при свете факелов, это шествие имело очень жуткий вид, точно демоны справляли свой адский праздник. Мирные жители, завидев эту процессию, с ужасом шархались в стороны.

Посреди этой толпы шел адмирал. Он был весь в крови. Искалеченный, еле передвигая ноги, то и дело падая, медленно двигался мученик навстречу лютой смерти. Из его груди не вырывалось ни одного стога, что приводило толпу в еще большее бешенство. Ее вой напоминал собой вой шакалов, чувствующих близкую добычу...

Когда-то, в дни Порт-Артура, в неравном бою с несколькими японскими крейсерами и миноносцами погибал миноносец «Страшный». Разбитый неприятельскими снарядами, он парил. Пар этот был предсмертным дыханием умирающего бойца... Японские корабли уже готовились было его захватить. В это время на выручку «Страшному» несли «Баян». На

командном мостике стоял его командир, тогда еще капитан 1-го ранга Вирен. Впившись глазами вперед, он все время приказывал передать в машины, чтобы дали еще больший ход. Крейсер уже перешел пределы своей скорости и летел, рассекая волны, чтобы прикрыть «Страшного». Весь корпус его дрожал. Еще немного, и он опоясался бешеным огнем... Японские суда повернули, а «Баян», подлетев к месту недавнего побоища, застопорил машины. «Страшного» уже не было, он скрылся под волнами. Подобрал оставшихся людей, «Баян», при общем восторге, возвратился в Артур... Что, если бы теперь пред этой зверской толпой вдруг встали бы те матросы, которые были тогда спасены «Баяном»? Что сказали бы они убийцам адмирала Вирена? Сумели бы отстоять ему жизнь?..

Пожалуй, нет. Толпа уже была опьянена кровью; в ней проснулся многоликий зверь, который не отдает назад своей добычи.

Мукам Вирена приближался конец. Пресытившись терзанием жертвы, палачи окончательно добились ее на Якорной площади, а тело сбросили в овраг. Там оно лежало долгое время, так как его было запрещено хоронить.

На следующий день, рано утром, был арестован и начальник штаба порта контр-адмирал А.Г. Бутаков¹⁶. На просьбы близких уехать из Кронштадта он отвечал решительным отказом, сказав, что предпочитает смерть бегству. На двукратное предложение матросов признать новую власть адмирал, не задумываясь ни на одно мгновение, ответил: «Я присягал государю и ему никогда не изменю, не то что вы, негодяи!» После этого его приговорили к смерти и расстреляли у памятника адмиралу Макарову. Первый залп был неудачен, и у адмирала оказалась простреленной только фуражка. Тогда, еще раз подтвердив свою верность государю, адмирал спокойно приказал стрелять снова, но целиться уже как следует...

Очень зверски также был убит командир 1-го Балтийского флотского экипажа генерал-майор Н.В. Стронский, нелюбимый матросами за свою требовательность.

Командир учебного корабля «Император Александр II» капитан 1-го ранга Н.И. Павлишин был убит на льду, когда он, видя, что ему неизбежно грозит смерть, хотел скрыться от преследователей. Его заметили и тут же расстреляли.

Старшего лейтенанта Н.Н. Ивкова, плававшего на учебном судне «Африка», команда живым спустила под лед.

Всю ночь убийцы рыскали по квартирам, грабили и вытаскивали офицеров, чтобы с ними расправиться. В числе убитых были капитаны 1-го ранга К.И. Степанов и Г.П. Пекарский; капитаны 2-го ранга А.М. Басов и В.И. Сохачевский; старшие лейтенанты В.В. Будкевич, В.К. Баллас и мичман Б.Д. Висковатов. Остальные – были офицеры по Адмиралтейству, подпоручики и прапорщики. Только по официальным сведениям штаба, очень неполным, убитых было свыше двадцати пяти человек. Кроме того, было убито много кондукторов и сверхсрочнослужащих¹⁷.

Оставшиеся в живых на кораблях офицеры находились уже в это время под арестом; у них было отобрано оружие и сняты погоны. Жившие на берегу были заключены на гауптвахту, среди них – вице-адмиралы А.Д. Сапсай, А.П. Курош и контр-адмирал Н.Г. Рейн. Адмирал Курош всего только три дня тому назад приехал в Кронштадт, чтобы принять должность коменданта крепости. Контр-адмирал Рейн тоже совсем недавно приехал в Кронштадт, где получил Учебно-минный отряд. Как Курош, так и Рейн держали себя во время ареста и допросов с редким достоинством и стойко переносили глумления.

¹⁶ Бутаков Александр Григорьевич (1861–1917) – сын знаменитого адмирала Г.И. Бутакова, контр-адмирал (1913), с 1913 года – начальник штаба Кронштадтского порта, расстрелян матросами в Кронштадте.

¹⁷ В Кронштадте было убито более 40 офицеров, кондукторов и унтер-офицеров (см. п. 8 комментариев), но и эти данные нуждаются в дополнении и уточнении.

Всех офицеров непрерывно допрашивали, предъявляя им самые нелепые обвинения. Часть из них была расстреляна на площади перед гауптвахтой. Офицер, который вызывался, мог быть почти уверен, что его расстреляют.

Когда вызвали адмирала Рейна, старого Георгиевского кавалера, он спокойно простился со всеми и сказал, что идет на смерть. Действительно, через несколько минут его уже расстреляли. Во время расстрела его хладнокровие поразило даже самих убийц. На его гордом, красивом лице при виде заряжаемых винтовок мелькнула только презрительная усмешка...

Далее для тех несчастных офицеров, которые пережили этот бунт, потянулись долгие дни тюремного заточения. Маленькие камеры были так переполнены ими, что одновременно все не могли лежать. Спать приходилось на голых досках; заставляли исполнять самые грязные работы и зачастую «забывали» кормить... Пища же, которую давали узникам, была до того отвратительна, что принимать ее можно было только с самым неприятным чувством. Родственников не допускали; провизия, приносимая ими, или не передавалась, или просто не принималась. О нравственных пытках говорить нечего: разнуздавшиеся хамы были очень изобретательны на этот счет. Особо утонченным издевательствам подвергся адмирал Л.П. Курош, на котором старательно вымещали энергичное подавление им Свеаборгского бунта в 1906 году.

Через две недели, благодаря хлопотам приехавших делегаций от команд кораблей Действующего флота, были отпущены офицеры – слушатели Минных классов. Остальные же заключенные, несмотря на увещевания слабого Временного правительства, на которые Кронштадт «плевал», продолжали томиться в тюрьмах, одновременно служа заложниками и объектами слепой ненависти.

Кронштадт прогремел на всю Россию. Можно бы написать целую книгу относительно этой революционной вакханалии, к прекращению которой Временное правительство боялось принять должные меры. Вся психология Кронштадтской эпопеи носила грубый, варварский, настоящий революционный характер. Ничего идейного в ней не было: было только стремление разрушить, уничтожить дотла все, что создано веками, стремление удовлетворить свои животные инстинкты.

Вот в какой обстановке узурпаторы власти готовили тип нового матроса, своего верного клеветника, который должен был сыграть решающую роль по «углублению революции», превратить Россию в один сплошной, мрачный советский застеноч...

После переворота я задержался на «Новике» всего несколько дней. Порядок пока еще держался, но дисциплина стала заметно падать. Матросы ходили, как в угаре: большинство из них, несмотря на свою «ультрареволюционную» окраску, совершенно не понимало смысла и значения совершившихся событий. Ко мне неоднократно обращался то один, то другой матрос и с несколько сконфуженным видом задавал какие-нибудь вопросы политического характера. Некоторые из них спрашивали меня, почему отрекся от престола государь, что такое был Распутин, что за люди взяли теперь власть и так далее. Часто, ни к селу ни к городу, во время разговора они приплетали какое-либо мудреное «модное» слово, слышанное ими случайно на берегу. Иногда повторялось что-то вроде общеизвестного приветственного крика мятежных солдат 14 декабря 1825 года: «Да здравствует Константин и жена его Конституция!»... Так, мне высказывали свой взгляд о том, что «как бы было хорошо, если бы царь остался и скрепил “Золотой Грамотой” все завоевания революции»... Насколько только позволяла обстановка, я разъяснял им весь ход и смысл событий, приводил примеры клеветы из истории, просил не доверяться красивым словам различных «болтунов» и так далее. Матросы с глубоким вниманием меня выслушивали, благодарили «за науку» и уходили. К чести их, могу сказать, что ни один из таких интимных разговоров со мной не был никому ими передан.

Тем временем революционная агитация делала свое дело. Среди команд начал уже наблюдаться «сознательный» элемент. Раньше он являлся исключением, а теперь был сплошь и рядом. Примеры Кронштадта, особо революционных кораблей, усталость от трехлетней войны,

а главное, сплошные ошибки Временного правительства и нового, революционного командующего флотом, старавшегося подольститься под Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов и судовые комитеты – все это вело к развалу флота, означало его близкую смерть...

После моего ухода с «Новика» я не переставал поддерживать с ним связь. Несколько человек из старой команды перешли со мной на «Чайку»; многие же, которые уже плавали пять лет, были списаны, по их просьбе, на берег. Прежний состав команды совершенно изменился. На вакантные места были присланы молодые матросы призыва 1917 года, из числа участников кронштадтских зверств. Тут были совсем другие веяния, чем у старой боевой команды «Новика». Понемногу начинался беспорядок и развал на корабле; молодые, ничего не понимавшие в морском деле матросы, принеся шаблонные лозунги о «мире во что бы то ни стало» и кичась «революционными заслугами», благодаря своему большинству захватили в свои руки все влияние. Это были развращенные до мозга костей круглые невежды. Что они могли дать, кроме развала?..

II

Положение в Рижском заливе до наступления неприятеля. Гибель «Барса», «Львицы», «АГ-14», «Лейтенанта Буракова» и «Стройного». Вступление вице-адмирала М.К. Бахирева в командование Морскими силами Рижского залива. Вице-адмирал М.К. Бахирев. Гибель «Охотника». Наступление неприятеля. Действия на Кассарском плесе. Положение на сухопутном фронте. Сдача батарей на Сворбэ. Гибель «Грома». Бой на рейде Куйваст. Гибель «Славы». Уход из Моонзунда. Причины падения обороны Рижского залива. Жизнь «Новика»

Как следствие мартовского переворота явились большие перемены в командном составе флота вообще и Минной дивизии в частности. В первые же дни революции начальник дивизии контр-адмирал М.А. Кедров был вызван в Петроград и назначен товарищем морского министра. Его место занял капитан 1-го ранга А.В. Развозов, один из самых выдающихся офицеров нашего флота.

Всю весну «Новик» продолжал ремонт, но работы, благодаря революционным порядкам, шли медленно. Только в середине мая ему удалось оторваться от Сандвикского завода и присоединиться к другим судам дивизии в Рижском заливе. Сейчас же начальник дивизии перенес на него свой флаг.

Личный состав «Новика» тогда уже сильно изменился не только в отношении команды, о чем упоминалось выше, но и офицеров. Из старого состава остались только командир, штурман и младший механик; остальные все были новые. Под влиянием этих перемен изменил свое лицо и «Новик». С большим трудом только можно было узнать в нем прежний корабль, боевыми подвигами которого так гордился старый личный состав.

Весь первый период кампании 1917 года в Рижском заливе и Моонзунде прошел сплошь в борьбе с процессом разложения судовых и береговых команд. Под влиянием усиленной пропаганды они, прикрываясь революционными лозунгами, прилагали все усилия, чтобы избежать малейшей для себя опасности. Такое губительное разложение до известной степени пока еще сдерживалось благодаря поразительной энергии, твердой воле и удивительному умению говорить с командами начальника дивизии контр-адмирала А.В. Развозова. Подчиняя своему влиянию лучший матросский элемент, он тем самым заставлял их влиять уже на остальных. Все же это было невероятно трудно, так как развал всего государства шел быстрыми шагами и неизбежно передавался на флот. Никакая сверхчеловеческая воля отдельных начальников не могла этому помешать.

В июле распоряжением Временного правительства был смещен с должности командующего флотом не в меру «дальновидный» адмирал Максимов. Его сменил контр-адмирал Д.Н. Вердеревский¹⁸. Однако его командование длилось весьма недолго: после известного конфликта с Временным правительством адмирал был вызван в Петроград и там арестован. На его место заступил вице-адмирал А.В. Развозов. Должность начальника дивизии перешла к капи-

¹⁸ Вердеревский Дмитрий Николаевич (1873–1947) – контр-адмирал (1916), в 1911–1914 годах командовал «Новиком», в 1914–1917 годах – крейсерами «Адмирал Макаров», «Богатырь» и Подводной дивизией Балтийского моря, в июне – июле 1917 года – Балтийским флотом, арестовывался и Временным правительством, и большевиками, но всякий раз освобождался, в сентябре – ноябре 1917 года был помощником военного и морского министра (военно-морским министром) А.Ф. Керенского. После Гражданской войны – в эмиграции.

тану 1-го ранга Ю.К. Старку¹⁹, человеку очень порядочному, но совершенно непригодному для такой роли в разгар революционного брожения и полного сумбура понятий. С этого момента дела пошли совсем плохо.

Общая разруха, постигшая флот после переворота, неизбежно отразилась и на военном счастье. За один этот период погибли три новые подлодки – «Барс», «Львица» и «АГ-14».

«Барс», отправившись в двухнедельное крейсерство в Балтийское море, больше уже не возвратился.

«Львица», уйдя к неприятельским берегам, тоже не вернулась. Находившаяся тогда недалеко от южной оконечности острова Готланд английская подлодка «Е-19» случайно напала на след ее гибели. Заметив какой-то вертикально плавающий предмет, она подошла ближе и увидела мину без зарядного отделения. По номеру удалось установить, что эта мина принадлежала «Львице». Во время осмотра «Е-19» подверглась атаке неприятельской подлодки и чуть сама не сделалась ее жертвой. Возможно, что «Львица» была взорвана той же подлодкой.

«АГ-14» погибла во время обычного дежурства в районе Либавы. Ее командиром был единственный сын покойного адмирала Н.О. Эссена²⁰, молодой офицер, подававший очень большие надежды. Он был опытным командиром и со своей лодкой показывал прямо «фокусы». Сделался ли он жертвой неприятельской подлодки или попал на заграждение, так и осталось невыясненным.

Произошло также несчастье и с подлодкой «АГ-15», правда, окончившееся сравнительно благополучно. Эта лодка затонула из-за того, что в момент погружения главная горловина не была плотно задраена, в силу чего туда хлынула вода. В последнюю минуту всем удалось спастись. «АГ-15» затонула на мелком месте, и ее вскоре подняли.

Наконец, 30 июля посыльное судно «Лейтенант Бураков» наткнулось на мину, поставленную неприятелем в Лед-Зунде, у острова Оланд; часть команды спаслась, но офицеры все погибли.

В военном отношении весь период, до падения Риги 22 августа, в Рижском заливе прошел очень спокойно. Неприятель почти ничем себя не проявлял. Но с этого момента атмосфера уже стала сгущаться. Чувствовалось, что настало время, когда неприятель приступит к решительным действиям.

В конце августа недалеко от мыса Кави, у Ирбенского пролива, по небрежности своего командира выскочил на мель миноносец «Стройный». Этот командир, выбранный матросами, явился удивительно ярким выразителем пресловутого «выборного начала». Немедленно приступили к снятию миноносца, но неприятель, проведав об этом, стал ежедневно присылать аэропланы. Уже при одном их появлении все бросали работу и прятались. После того как в миноносец попало несколько бомб, причинивших ему большие повреждения, работы пришлось бросить. С течением времени «Стройный» был окончательно разбит штормами.

Тем временем, согласно распоряжению командующего флотом, главное командование над всеми силами в Рижском заливе принял на себя вице-адмирал М.К. Бахирев, который и руководил всеми операциями до самого последнего момента.

Вице-адмирал Михаил Коронатович Бахирев был моряк до мозга костей. Всю свою службу он провел в непрерывных плаваниях; для него море и флот были все; все его интересы сосредоточились только на них. Но он был не только моряк: был и военачальник «Божией

¹⁹ *Старк Юрий* (правильно – Георгий) *Карлович* 1878–1950) – контр-адмирал (1917), участник Цусимского сражения на крейсере I ранга «Аврора», в Первую мировую войну командовал эскадренными миноносцами, дивизионами и с 1917 года – Минной дивизией. В 1918–1919 годах сражался на стороне белых у Колчака, в 1921–1922 годах – командующий белой Сибирской флотилией, которую увел в Гензан и далее – в Шанхай и Манилу (Филиппины), где продал корабли, разделив деньги между членами экипажей. Скончался в эмиграции в Париже.

²⁰ *Эссен Антоний Николаевич* (1888–1917) – старший лейтенант (1915), окончил Морской корпус (1907), сын адмирала Н.О. Эссена и прекрасный офицер.

Милостью», что блестяще доказал еще в японскую войну, командуя миноносцем «Смелый», который под его командованием проявлял всегда чудеса храбрости и отваги.

Великая война застала М.К. Бахирева в должности командира крейсера «Рюрик». Блестящие военные дарования быстро выдвинули его в начальники бригады крейсеров, потом – бригады дредноутов и, наконец начальники Минной обороны.

Кто не знал у нас на флоте Михаила Коронатовича, кто его не любил и не относился к нему с глубочайшим уважением! Всегда ровный, спокойный, выдержанный, в минуты опасности никогда не теряющийся и безупречно храбрый, исключительно храбрый. При этом необходимо отметить, что он при такой своей храбрости, прежде чем послать в опасность свои корабли, долго взвешивал и обдумывал, как бы подвергнуть их меньшему риску, и потом все время болел душой, пока они не вернутся обратно.

На вид суровый, молчаливый, но совершенно далекий от какого-либо самомнения, он в кругу офицерской семьи был всегда просто всеми любимым, почитаемым и обаятельный соплатель. Ему не надо было делать начальнического вида; его и так уважали, и никому даже на ум не пришло бы принять по отношению к нему фамильярный тон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.